СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

ИРИНА МАЛАХОВСКАЯ-ПЕН

ХОЛОДНАЯ ВЕЧНОСТЬ 2

Ирина Малаховская-Пен

Холодная вечность 2

«Автор»

2022

Малаховская-Пен И.

Холодная вечность 2 / И. Малаховская-Пен — «Автор», 2022

Соболев узнаёт, что в процессе уничтожения заколдованной деревни Позднее - деревни живых мертвецов - что-то пошло не так. Ему придётся оставить жену, с которой он начал всё сначала, и любимую работу, чтобы снова отправиться в Сибирь, на борьбу с порождением тёмных сил.Содержит нецензурную брань.

© Малаховская-Пен И., 2022
© Автор, 2022

Ирина Малаховская-Пен
Холодная вечность 2

– Привет! Как твои московские дела? – спросил Костю журналист Морозов.

Его звонок в выходной день с утра едва не сбил Соболева с намеченного графика. Они с Таней пили кофе, собираясь после завтрака ехать в торговый центр. Соболев с Морозовым очень редко созванивались, и никогда по выходным.

Какие у Кости дела? Вот, с бывшей женой помирился. Ну, правда уже давно. Наверное, он говорил об этом Морозову. Таня дала ему второй шанс. Ну, или они оба просто дали второй шанс своему браку. Расписываться пока не спешили – просто съехались обратно. Пока вроде всё было тьфу-тьфу-тьфу. Костя старался уделять Тане больше времени, чем своим исследованиям. Про его поездку в Позднее, откуда Соболев вернулся почти год назад, он старался не говорить. Да и в разговорах с Морозовым эта тема не поднималась. Сразу после случившегося у них состоялся вялый разговор типа: «Надо бы съездить, проверить». Но им так не хотелось ни ездить, ни проверять. Даже Морозову не хотелось. Он и не ездил. Прошёл год, и кое-что случилось. То, что заставило Андрея позвонить Соболеву в субботу, побеспокоить в его законный выходной день. Как ни пытался Морозов говорить непринуждённо, а видать не особо получалось.

Костя показал извинительный жест Татьяне и ушел с сотовым в комнату. Вместо того, чтобы рассказывать Андрею, как дела, он принялся задавать ему вопросы:

– Что случилось?

– Почему сразу «случилось»?

– Да так. Не нравишься ты мне.

– Правда? – изумился Андрей. – А я думал, мы с тобой друзья.

– Ты понял, что я хочу сказать. Мне не нравится твой голос. Твоё настроение, сколько бы ты не задавал мне отвлекающих вопросов. Быстро говори, что у тебя случилось. Сегодня выходной, у меня планы. Мне некогда.

– Так может я перезвоню в другое время? – с надеждой спросил Андрей.

– Морозов, мать твою!

– Ладно-ладно! В общем… я видел Марка.

– Что-о? Где? – потрясённо спросил Костя.

– В Запрудном. На рынке.

– А ты знаком с Марком?

– Нет, Соболев. Я, к счастью, не знаком с Марком. Но я его знаю.

– Чёрт… Акела промахнулся. – Костя почувствовал, будто на плечи ему положили плиту.

Бетонную. Ну, или гранитную. Тяжесть ощутил Соболев. Тяжесть ошибки, тяжесть несделанного дела…

– Но это не конец истории. – невесело продолжил Андрей. – Я проследил за ним. Марк поехал на своей телеге в сторону Позднего.

– Что?! Позднего нет! Мы его уничтожили…

– Мы не проверяли этого, Костя.

В комнату вошла Таня и вопросительно посмотрела на мужа. На мужа, конечно, а на кого ещё? Да, не расписались. Но ведь прежде были женаты. И сейчас живут вместе. И любовь есть – как без любви-то? Никак и никуда.

Костя снова показал супруге жест, на этот раз успокаивающий, мол, подожди дорогая, я почти уже освободился. Ему не хотелось конфликтовать с Таней. Ни из-за чего не хотелось. Но… новости от Морозова были настолько неожиданными и пугающими, что важность вос-

становленного Соболевского брака вдруг снизилась градусов на десять. Однако, он решил, что если год Марк был жив-здоров, и они с Морозовым знать об этом не знали, то ещё несколько дней точно погоды не сделают.

– Видимо, ты мне всё-таки перезвони. – сказал Соболев в трубку. – Или, давай я тебе. В понедельник. Да?

– Да конечно, Кость. Я так и предлагал.

Угу. Предлагал он. Кто вообще звонит в выходной с такими новостями?

– Что-то случилось? – с тревогой спросила Таня.

«Ничего такого, о чём тебе следовало бы знать» – подумал Соболев, а вслух сказал.

– Небольшие рабочие проблемы. Ничего из ряда вон выходящего… ты готова?

Она кивнула.

– Ну, поехали тогда.

Соболев в тот день был очень хреновым собеседником для Тани. На вопросы по пути в торговый центр отвечал рассеянно, всё больше старался кивать и улыбаться. Если так и дальше дело пойдёт, то от плохого собеседника до плохого мужа один ответ невпопад.

– Тань, ты меня прости! Я задумался о работе, и поэтому такой. Даже не задумался, а загрузился, так точнее будет.

– Так ты вроде говоришь: ничего из ряда вон выходящего?

В этом месте Костя снова улыбнулся. Ему хорошо было с Таней. В принципе, она была права, когда говорила Соболеву после развода: ты меня не замечаешь. Ты весь в своей тератологии, тебе уродства подавай. А я не урод. Ну, или что-то в этом роде Таня говорила.

Вернувшись из Позднего, Соболев подумал, что выжил в этом приключении, в общем-то, чудом. И вспомнил о своей жене, которую, в общем-то, любил. Да, может он был слишком помешан на науке, и поэтому не вёл себя, как примерный муж, но что любил – это точно. Надя – Господи, прости в самом деле – отвлекла его от любви к жене и боли от развалившейся семьи. Наверное, не знай Соболев, кем Надя была на самом деле, может даже был бы ей благодарен, за то, что отвлекла. Но после того, как Костя узнал, что спал с ходячей покойницей, и практически влюбился в неё, благодарность улетучилась. Влюблённость тоже. И вообще, всё доброе, что он чувствовал к Наде, испарилось. Исчезло без следа. Соболев был уверен, что Марк пристрелил Надю – он сам видел, как здоровенные бугаи увели её на казнь. Никто не удосужился сказать Соболеву, что Надя пересидела их взрыв и пожар в заговорённом подземном погребе. Глубоком погребе. Если бы он знал… вряд ли бы тогда уехал из Запрудного. Он бы вернулся, и самолично пристрелил девушку. Он бы смог!

Но хоть и не чувствовал Костя ничего доброго к Наде, и вовсе старался не думать, не вспоминать о ней – как о таком вообще можно вспомнить без содрогания? А всё же именно история с мёртвой Надеждой дала ему шанс переоценить ситуацию с Таней. И он пришёл к бывшей жене.

Татьяна жила в их квартире, по вечерам показывая её потенциальным покупателям. Так она и не послушала Константина, который говорил ей оставить квартиру себе. Убеждал, что он устроится как-нибудь – мужчина Соболев, или кто? Но Таня решила разделить всё по-честному. А Костя решил по-честному, прямо, с ней поговорить. После того, что он пережил, глупо было тратить время на окольные пути.

– Привет! Ну, что? Не продаётся квартира?

– Пока нет. – невесело сказала Таня. – Но это вопрос времени. Тебе есть где жить?

Соболев пока не думал, где он будет жить. Прилетев из Красноярска, он остаток ночи провел в машине. Утром съездил на работу, а к вечеру заявился домой. Костя даже не репетировал разговор с Таней. Подумал, что лучше будет довериться ситуации: как пойдёт, так и пойдёт.

– Тань, я должен кое-что тебе сказать. А ты уж сама решай, что тебе делать. В общем… я тебя люблю, наш развод был ошибкой. Мне кажется, мы заслуживаем второй шанс. Ты точно заслуживаешь, а я – тут уж не мне решать. Поэтому, если у тебя никого нет, и если ты тоже меня любишь… ну, хотя бы что-то чувствуешь, то я прошу тебя: давай попробуем ещё раз!

Он выпалил свою речь на одном дыхании, и ждал Таниной реакции. Заранее сказав себе: что будет, то и будет. Таня смотрела на него, как на пришельца. Потом спросила:

– Соболев, ты серьёзно, что ли?

– Ну, конечно! Кто такими вещами шутит вообще?

Татьяна всхлипнула и бросилась ему на шею. Костя целовал её, зажмурившись, и уговаривая себя ничего не вспоминать. Не ловить никаких триггеров. Не было в его жизни никакой Нади! Не было, и всё тут.

У них получилось. Как будто и не расставались, и не разводились. Соболева этот факт порадовал, и он действительно старался. Быть хорошим мужем: внимательным, заботливым. Поменьше внимания работе, побольше – жене. Никто из них не стремился второй раз пойти в ЗАГС. Это они уже проходили, когда были моложе. Сейчас главным было то, что двоим людям вместе хорошо. И всё.

Если бы ещё третьего… но третий никак не хотел получаться. Как учёный в одной из областей медицины, Соболев не особо приветствовал медицинское вмешательство в процесс. ЭКО – это прекрасный способ помочь бездетным парам, кто бы спорил. Но побочные эффекты от гормональной стимуляции ещё никто не отменял. Таня очень хотела ребёнка, и уже готова была пойти на искусственное оплодотворение, но Соболев пока придерживался своей позиции. Очень боялся за неё.

– Костя, ну я же буду под твоим присмотром!

– Тань, я не врач. Я могу и прозевать какой-нибудь нежелательный эффект. Да что там я! Даже врачи могут.

Она расстраивалась, плакала. Соболев думал, что уже, наверное, надо решиться. Пойти, наконец, и сделать это треклятое ЭКО. И ведь, скорее всего, от одной процедуры-то ничего и не будет, вот только мало у кого получалось с первой попытки.

Вообще, новый Соболев, вернувшийся из Позднего, скорее бы доверился какой-нибудь магии. Идеально было бы найти в Москве настоящую ведьму, способную исцелить их от бесплодия. Но, во-первых, где тут её найдёшь – это же не сибирская глубинка. Шарлатанки сплошные. А во-вторых, как сказать Тане, что он, Соболев, учёный, теперь верит в магию и колдовство? Как сказать-то? Костя не представлял такого разговора совершенно.

Звонок Морозова разбередил в Соболеве какую-то рану, о существовании которой Костя то ли не знал, то ли просто уже забыл. Бредя с коляской вдоль полок гипермаркета, Костя видел картинки:

вот он покупает пиво и собачий корм;

вот он сидит в интернет-кафе, ищет информацию. Сначала о Позднем, а потом – объявления о покупке машин;

вот он едет по Запрудному в поиске дома на улице Советской, где живёт Захар. Старый дед, бывший житель Позднего, который погиб, пытаясь спасти его, Соболева;

вот он возвращается по темноте из Запрудного в Позднее, а на заднем сидении ворчит верный алабай Гэри. Большой и надёжный, как скала. Гэри, который однажды спас ему жизнь.

Эти флешбэки не давали Соболеву сосредоточиться на покупках. Они мелькали в голове, толкая друг друга, как стёкла калейдоскопа. Соболев испытывал странную тоску. И не понимал, что она означает. То ли он скучает по своим приключениям в Сибири – да ну, бред! То ли он переживает, что дело сделано некачественно, и подлец Марк жив-здоров. Непонятно, но точно тоска. Гнетущая, тянущая нервы в груди.

– Кость! Ну, что ты берёшь?! Кто это есть-то будет?

– А? – вынырнул Соболев из кинозала в своей голове.

Он стоял посреди столичного гипермаркета и держал в руке собачьи консервы. Большую банку, мясной корм для собак крупных пород. Для алабаев в самый раз.

Соболев поставил консервы обратно на полку. Таня укоризненно покачала головой, и прошла дальше. Соболев поплёлся с телегой за ней, матерясь про себя. Пытаясь избавиться от своего прошлого, нахлынувшего на него волной. Чёрт бы побрал журналиста Морозова! Не мог он позвонить со своими новостями в понедельник?

Соболев с трудом дотерпел до понедельника. Сначала его мучили флешбэки, от которых он отмахивался, как от мух. Кстати, довольно бестолково и безрезультатно. Потом ему всё же удалось вытеснить из головы картинки из прошлого. С трудом, но получилось. И он… тут же погрузился в фантазии о Позднем. Марк жив – тут напрашивается только один вывод. Марк жив, потому, что на момент их с Морозовым теракта его не было в Позднем. Видимо, он успел смыться. Но тут же богатая Соболевская фантазия подсказала ему невероятное: а что, если уничтожить Позднее невозможно? Ведь люди в Позднем возвращаются после смерти, внешне точно такими же, какими были при жизни. А вдруг, магия ведьмы Сони, точнее, побочный эффект от неё, распространяется не только на людей?! На деревню тоже. На дома, на землю. Ничего в Позднем не подвластно смерти. Они с Морозовым уничтожили, но всё возродилось. А?

Жуткие картинки домов и людей, восстающих из пепла, как Феникс. Дома-фениксы, и люди-фениксы. Бр-р. Так, стоп! А ведьма, которую съела Тамара. Она призналась Соболеву перед тем, как они вместе пошли закладывать бомбы. Ну, Соня-то точно не может воскреснуть! Не воскрес же – кого там съел отец Захара, Тимофей? Парня какого-то, Соболев уже и забыл, как его звали. Не воскрес. Значит, и Соня не могла. А могла магия Сони умереть вместе с ней? «Не могла» – насмешливо шепнул внутренний голос. Действительно, не могла. Ведь Сони уже не было, а всё оставалось, как при её жизни. Так что же, чёрт возьми, произошло? Спасся один Марк? Да, если бы Марк восстал из пепла, как подсказывает дикое воображение Соболева, он бы не смог выезжать из заколдованной деревни. Значит, его не было во время взрыва. Марк сбежал раньше, и выжил. И живёт на руинах Позднего? Или, не живёт, – чего обязательно живёт, – а просто поехал в лес. Что он, в лес поехать не мог? Вот Андрей тоже… в Позднее-в Позднее. Сам взбаламутился, и его, Соболева, взбаламутил. Одно слово: журналист!

Так, успокаивая себя, Соболев и дожил до понедельника. С утра у него была консультация с аспирантом, потом он заперся в кабинете и позвонил Морозову.

– Ну? Ты ездил туда? – спросил Костя вместо привет.

– Это шутка такая? Я не поеду туда один. – обиделся Андрей. – Добрый день, кстати.

– У нас утро ещё. – Соболев глянул на часы. – Да. Точно. Ещё утро. Андрей, послушай, я вот тут подумал… чего ты сразу на Марка наговариваешь? Почему решил, что он поехал в Позднее? Он мог просто в лес поехать. По делам.

– Соболев, я за ним следил. Он на рынке покупал крупы. И сахар.

– Так. Ну, и что?

– Мешками! – уточнил Андрей.

– Ну-ну! И о чём это говорит?

– Соболев, иди к чёрту! Не надо делать вид, что мне одному это нужно. Это наше общее дело – ты помнишь? Мы вместе приняли решение. И вместе сделали… ну, то что сделали. И, видимо, налажали. Если твоя совесть позволит тебе дальше спокойно жить в своей Москве – я тебе слова не скажу. Но мне показалось, что ты должен знать.

Соболев молчал. Слушал.

– Ошибся, наверное. – сказал Морозов. – Ладно, пока.

– Подожди. – тяжело ответил Костя.

Опять эта тяжесть… наверное, так ощущается долг. Проклятое чувство долга, которое взваливаешь сам на себя. Как следует, на совесть возлагаешь этот груз на плечи.

В трубке было тихо.

– Ты тут?

– Тут. Жду. – иронично сказал Морозов.

– Блядь, у меня только всё начало налаживаться! У меня семья. Мы ребёнка хотим завести… ну нахрена мне вот это всё сейчас?!

Про себя Соболев подумал: хорошо, что ребёнка ещё не завели. Вот так бы был ребёнок, маленький человечек, а он, Костя, ломанулся бы в сибирскую глубинку, косяки свои исправлять.

– Морозов, я подумаю, как мне поступить, и позвоню тебе. Хорошо?

– А у меня есть выбор? Я могу только ждать. Звони.

И отключился.

Соболев понимал, что вполне может взять пару недель за свой счёт, хотя зачем так много? Недели хватит, чтобы скататься туда и обратно. Самолётом до Красноярска… в этом месте Костя хлопнул себя по лбу, и полез в список контактов. Трубку снял тот, кто ему был нужен. Быстро снял. После третьего гудка.

– Приветствую я тебя всячески Пётр. – сказал Костя.

На том конце связи помолчали, а потом не особо удивлённо сказали:

– Костя? Не ожидал. Ты из Москвы звонишь?

– Ну, да. Из неё. Как твоё здоровье?

Они виделись с Петром последний раз, когда Соболев завозил собаку. Машину он тоже оставил в Красноярске. Косте пришлось честно рассказать всё о гибели Позднего. Пётр, судя по всему, был расстроен услышанным. Тем более, Соболев принёс весть не только о гибели села, но и о смерти Захара. С учётом магической отсрочки дед мог прожить ещё лет пятнадцать-двадцать, а он так нелепо погиб в чужой борьбе. Ну… и о гибели Тамары, матери Петра, Костя тоже поведал. Хоть и была она давно уже мертва, а всё же – мать. Про Марка Соболев тоже тогда думал, что он погиб. Так и сказал: всё сгорело, ничего и никого нет.

Сестра Петра, Людмила, услышав историю, не расстроилась из-за гибели родственников. Дослушав рассказ Соболева, она встала из-за стола и трижды перекрестилась, приговаривая «Слава тебе, Господи!» Пётр был мрачен и грустен, когда провожал Соболева до двери, но претензий никаких не высказывал. Были и положительные моменты – любимый пёс вернулся к нему живым и здоровым. С тех пор Костя с Петром не разговаривали, так что немудрено, что звонок Соболева удивил его.

– Ты позвонил мне из Москвы, чтобы справиться о моём здоровье? – не слишком ласково уточнил Пётр.

– Я тебя понимаю! Правда. Я бы тоже не твоём месте ненавидел меня.

– Слушай, Костя Соболев. Я живу своей жизнью. И не думаю о тебе. Так с чего ты вспомнил обо мне?

– Ладно. Вижу, светской беседы не получится. Скажу прямо: твой отец жив.

– Я знаю. И что с того?

– Знаешь?! – потрясённо переспросил Костя.

– Знаю. Приезжал он к нам с Людмилой. Как нашёл – не сказал. Зачем приезжал – тоже непонятно. Повидаться, мол. Пару дней пробыл, и уехал. Даже не уехал… я бы сказал, что он исчез также внезапно, как и появился. Люда была ему не рада. А я… не знаю я, что почувствовал. А ты-то откуда узнал?

– Видели его в Запрудном. Но не это главное. Видели, как он поехал из Запрудного в Позднее. Зачем он туда поехал?

– А мне почём знать? – удивился Пётр. – Я же тебе говорю, Марк заехал на пару дней, и всё. Мы особо и не общались.

– Ну, то есть он не спрашивал, например, как найти меня?

«Чтобы отомстить» – продолжил Соболев фразу у себя в голове.

Петя заверил, что Марк о Косте не заговаривал. Костя спросил, стоит ли у Петра во дворе ещё его девятка.

– Стоит. А собаку больше не дам. – отрезал Пётр.

Чего он так злится? Может, знает что-то ещё, и скрывает от Соболева? Костя видел Петра полтора раза, но успел понять, что это за человек. Вряд ли из него можно что-то вытянуть, если уж тот не хочет говорить. Костя попрощался, и решил не думать ни о чём до вечера. Ни о Позднем, ни о Морозове. Ни о Марке с Петей. И ему даже удалось на время переключиться на работу, но вечером все мысли вернулись.

От Тани не укрылось, что Соболев снова не в своей тарелке. Собственно, после субботнего утреннего звонка он стал каким-то задумчивым и отстранённым. Тане в этой истории не нравилось буквально всё. И то, что кто-то позвонил в субботу с утра. И то, что Костя почему-то ушёл в комнату с телефоном. И то, что стоило ей появиться в комнате, муж свернул разговор, сказав, что перезвонит в понедельник. Ей сказал, рабочие моменты. Но Татьяна не поверила в это объяснение. Какие в его работе могут быть моменты, чтобы уходить с телефоном подальше от жены, и после звонка вести себя таким образом?

– Костя… ты может мне скажешь, что всё-таки происходит?!

Соболев усовестился. Чего он, в самом деле? Сам пришёл к жене, сам предложил начать всё сначала, а теперь ведёт себя, как урод.

Он поцеловал Таню и потёрся носом об её волосы.

– Ты чего?

– Соскучился! – заявил Костя.

Ночь для них началась раньше времени. Закончилась в спальне. Обнимая жену перед сном, Костя думал, что пошло оно всё к чертям собачьим. И Позднее, и все его жители. И неугомонные журналисты из Запрудного туда же.

Он прижал к себе Таню рукой и потянулся, чтобы поцеловать на сон грядущий. На его плече лежала… Надина голова. Девушка открыла глаза и потянулась Соболеву навстречу. Он хотел было отпрянуть, вскочить, убежать в ужасе, но почему-то не стал этого делать. Костя поцеловал Надю. Раз, второй, третий. Она закинула руку ему за голову и положила ладонь на затылок. Соболев вдруг почувствовал, что тонет в своих безумных ощущениях. Проваливается в бездну, как всегда, когда он с Надей. Костя тонул в Наде, как она сама когда-то тонула в озере Смоль. Тонула, и… утонула! Надя мертва.

Соболев открыл глаза и отстранился. Девушка смотрела на него не отрываясь своими бездонными глазами. И они были живыми. Через зрачки на Соболева смотрела душа, настоящая, живая. Это не Надя. Точнее, не та Надя, которую он знал. Это же сон! Соболев понял, что спит, но не понял, что с этим делать.

– Тебя нет! – сказал он Наде.

– Ты же знаешь, что это неправда. – улыбнулась она, и снова потянулась к нему.

Костя резко отстранился, вздрогнул и проснулся.

– Боже мой, Соболев, может хватит! – заворчала жена, отворачиваясь. – То ходишь, как в воду опущенный. То орёшь и подпрыгиваешь во сне. Или скажи, что с тобой, или дай поспать!

С ним что-то не то. Он вспомнил, как целовал во сне Надю, и волна жара прокатилась по телу. Гребаный некрофил, успокойся уже! Ты давно ничего к ней не чувствуешь… «Ты же знаешь, что это неправда» – прозвучал в голове её голос. И Соболев понял, что не отмахнуться. Ему придётся ехать и проверять, что творится в этом Богом забытом селе. Иначе он будет есть себя поедом изнутри, а такие вот сны его прикончат.

– Таня, я еду в командировку! – объявил он прямо с утра.

Жена помолчала и сказала:

– У меня ощущение дежавю. Ты шутишь, надеюсь?

– Да почему шучу-то? – взорвался Соболев. – Я что, не могу в командировку поехать?

– Да ты вечером ни слова не сказал ни о какой командировке! – и Таня вдруг заплакала.

А Соболев понял, что если начнёт сейчас оправдываться, или утешать Таню, уговаривать, – его затянет в это болото. Так не должно быть. Он взрослый мужик, ему сорок лет – нельзя придумать ничего глупее уговоров и оправданий. Соболев посмотрел на плачущую жену, и велел своему сердцу заткнуться и немедленно прекратить обливаться кровью!

– Тань, я тебя очень люблю! Клянусь тебе. Вот просто… очень! Но если я говорю, что мне нужно уехать по делам – значит, так и есть. А ты должна мне доверять. А если… если ты мне не доверяешь, то нафиг это всё вообще тогда нужно?

Костя со стуком поставил недопитый кофе на стол и вышел из дома, аккуратно закрыв за собой дверь.

Он обрадовал Морозова, позвонив ему и сообщив без обиняков и приветствий:

– Я приеду. С начальством утрясу, и приеду. Но в этот раз ненадолго! Весь свой, ранее накопленный, отпуск я потратил в вашей глуши год назад.

Андрей помолчал, переваривая информацию.

– Ну… я рад. И равноденствие уже миновало, слава Богу. Что бы там, в Позднем не было – уже не так опасно.

– Не помню, говорил ли я тебе, что Тамара сожрала ведьму Соню?

– Говорил.

– Что это значит, ты понимаешь?

– Ну… что они способны жрать людей не только в день равноденствия.

– Бинго! Не только. И если там, в Позднем, вдруг почему-то снова водятся такие твари, помни, Андрюша: они опасны всегда! Безумно опасны два дня в году, но, оказалось, что даже в уме эти живые мертвецы способны сожрать человека. И не подавиться. У них такая сила… вот помню, я чуть сознание не потерял, а Тамара…

– Соболев, ты что, предаёшься ностальгии?

– Иди к чёрту! – буркнул Костя. – Доберусь – позвоню.

И отключился.

Таня, видимо, здорово обиделась, и до самого отъезда разговаривала с ним очень скупо и сухо. Чисто по бытовым вопросам, ограничиваясь парой-тройкой предложений. Соболев стиснул зубы и решил не выяснять отношений до своего возвращения. Билет уже был куплен, и большой серебристый самолёт переместил его по небу в Красноярск за пять неполных часов. Спускаясь по трапу, Соболев поёжился от утреннего холода в тёплой, в общем-то, куртке – специально взял потеплее. Всего пять часов, и вот он уже за четыре с лишним тысячи километров от Москвы. А по ощущениям, будто в параллельной вселенной. Куда он снова едет, безумец?! Разве не хватило одного, прошлого раза.

– Привет. – сказал Пётр, открыв дверь. – Любишь ты сюрпризы делать. Чего не сказал, что приедешь?

Он стоял на пороге, загораживая своим молодым, крепким не по возрасту, телом дверной проём, и казалось, не собирался приглашать Соболева пройти.

– Кто там, Петь? – высунулась Люда.

Женщина, по сравнению со своим братом, долго живущим в Позднем, выглядела почти пожилой. Сколько ей? Шестьдесят? Нет, шестьдесят ей было год назад. Теперь, получается, уже пошёл седьмой десяток. На фоне Петра её возраст особенно бросался в глаза. Зато она,

рассмотрев через прищур глаз, кто именно к ним пожаловал с утра пораньше, сразу принялась приглашать Костю пройти в квартиру. Она отодвинула брата, и громко заговорила:

– Это же Костя! Проходи, Костя, проходи, чего же ты в дверях стоишь? Гэри, Гэри, посмотри, кто приехал!

Из квартиры послышалось ворчание собаки.

– Не надо впутывать сюда Гэри. – раздражённо сказал Пётр. – Проходи.

И ушёл внутрь. Скрылся из виду.

– Сердится на меня? – спросил Костя, вешая куртку на деревянный гвоздь.

Люда махнула рукой.

– Мне кажется, он жалеет, что уехал из деревни. Старею, говорит, я. Совести нет совсем.

Она говорила почти шёпотом, и Костя тоже понизил голос:

– Раньше он был другого мнения. Жалел, что не выбрался раньше.

– Хватит там шептаться! – крикнул Петя.

А в коридор степенной походкой наконец-то вышел алабай. Потянул носом, потом растянул спину, прогнувшись. И уже после этого подошёл к Соболеву и подставил ему свою лобастую башку. Гладь, мол. Давно не виделись же.

Костя умилился и принялся наглаживать Гэри. Оказалось, он соскучился по этому большому и верному псу. Соболев немного чувствовал свою вину. Когда он попал в плен к Марку, с Гэри могло случиться всё что угодно! Не случилось, в общем-то, только благодаря Тамаре, которая хоть и была бездушным монстром, а алабая не бросила.

– Гэри… мальчик мой хороший…

Костя почувствовал подступающие слёзы. Он был готов расцеловать пса – вот как соскучился.

Людмила отвела Костю в кухню и принялась кормить завтраком.

– А ты чего опять в наши края? Случилось что?

– А Пётр не говорил разве? – удивился Соболев.

– Да не о чем говорить, Костя. – сказал Петя, появляясь в кухне. – Я честно не понимаю, чего тебе в Москве твоей не сидится? Ну скажи мне, какое это всё имеет к тебе отношение? Отец мой? Деревня наша?

– Так ты из-за Марка приехал? – ахнула Люда, и опустилась на табуретку. – Что он опять натворил?

Пётр махнул на них рукой и увёл Гэри на улицу.

– Ты на него не серчай, Костя. Он поначалу-то радовался, когда вернулся в жизнь, где всё, как у людей. Дети рождаются, старики умирают. Время не стоит, а идёт. А потом, видимо, стало его мучить то, что жизнь конечна. Последние пару месяцев буквально запечалился он что-то.

– Люда, расскажите мне про своего отца. Когда приезжал Марк? Что говорил?

– Тяжело это всё, Костя. Вот представь сам, мне шестьдесят лет. Я мужа похоронила, с которым всю жизнь душа в душу прожили. Детей вырастили, внуков теперь навещаю. И тут является молодой мужик и с порога: «Здравствуй, дочка!» Как тебе такое?

– Жесть! – вполне по-московски ответил Костя.

– То-то и оно! А у меня все эти годы в памяти то, как он проклял меня. Как шлюхой назвал за то, что я полюбила, и от Игоря своего забеременела. И даже не за это он меня обзывал и проклинал, а за то, что поперёк его воли пошла. Каким он у меня в памяти остался, когда говорил мне те страшные вещи в лицо, таким точно он сюда и заявился. У меня жизнь прошла, целая жизнь, а он стоит на пороге, будто и не было этих тридцати с лишним лет. Я словно в тот день вернулась, когда родной отец, которого я любила, проклял меня и прогнал прочь.

– Я понимаю, Люда. Правда понимаю! Ну, то есть, я такого не переживал, слава Богу, но понимаю, насколько это страшно и нелепо.

– А я ведь ещё думала, нет его больше. Всё. Умер. Ой, Костя… ты ешь сырники-то, ешь.

– Спасибо, Люда. Вы знаете, где ключи от моей машины?

– Так а в коридоре они висят. На гвоздике. – Людмила вытерла фартуком глаза. – Поедешь туда?

Слово «туда» она сказала таинственным и страшным голосом.

– Поеду, Люда. Что-то не так пошло в прошлый раз. Я намерен выяснить, что.

Соболев хотел бы сказать, что собирается не только выяснить, но и исправить. Но промолчал. С ужасом подумал, что исправление потребует от него снова жить в Сибири, искать способы, сотрудничать с Морозовым. Нет, не то, что бы Андрей был чем-то плох… но Соболев помнил их общее прошлое, и сам факт возвращения к нему тяготил Костю. Вызывал чувство досады, которое поневоле распространялось и на журналиста.

Костя не дождался Петра. Уже потом, когда ждал около машины тех. помощь, – девятка не заводилась, немудрено, – видел, как мужчина прошёл в подъезд, сопровождаемый алабаем. «А собаку не дам!» – вспомнилось Косте. Ничего не поделать, придётся без Гэри. Может там дело-то выеденного яйца не стоит, и беспокоиться не о чем. Вот только интуиция подсказывала Соболеву: «Стоит. Есть о чём».

Пока на машину поставили новый аккумулятор, поменяли масло – в Запрудный Константин приехал к ночи. Он подъехал к супермаркету и позвонил Морозову:

– Надеюсь ты не спишь.

– Надейся.

– Я в посёлке. Ну, что? Поедем сейчас? – ехидно спросил Соболев.

– Нет. Давай поедем завтра.

– Выпить у тебя дома есть? Я что-то устал уже. Хотя только утром приехал в Сибирь.

– Что-то есть…

– Нет. Меня не устроит что-то. Ладно я куплю.

– Так сейчас уже не продадут.

Соболев легонько хлопнул себя по лбу. Точно! Время-то позднее. Позднее… чёртово село, куда завтра придётся ехать – ну не просто же так он пёрся из Москвы?

– Я куплю в ресторане. Жди.

– Хорошо. – согласился Андрей. – Я тогда ужин приготовлю.

Константин почувствовал, как зверски проголодался. Последний раз он ел какой-то пирожок с кофе, пока ремонтировали машину.

– Макароны с сыром? – спросил он.

– Нет. Яичницу с ветчиной. Макароны уже год есть не могу.

– Ура! Жди, в общем.

Соболев купил литр водки в баре, и поехал к Андрею. Поразительно то, что он помнил, где живёт Морозов. Даже не пришлось перезванивать, чтобы просить напомнить адрес.

Андрей открыл дверь и раскрыл объятия. Костя хотел было возмутиться и отмахнуться от такого радостного приветствия, но именно тут, в маленьком коридорчике Морозовской квартиры на него накатило: это же, по сути, его боевой товарищ. Андрей – свой! Они вместе сражались и вместе выжили. Соболев аккуратно поставил бутылки на обувную полку и обнял журналиста.

Весь вечер они пили водку, и вспоминали. То страшное, что их объединяло в прошлом. А может и объединило на всю жизнь, просто жили Соболев с Морозовым в разных концах страны.

– Надо бы сворачиваться, Кость. А то завтра день будет потерян.

– Надо бы. – согласился Соболев. – Только неохота. Охота вот так сидеть и вспоминать, а нового что бы ничего такого не было.

Он налил ещё водки.

– Ладно, я ещё не уезжаю. Если что, поедем послезавтра. Ну. За Захара!

Андрей кивнул. Они выпили, не чокаясь. Костя про себя присовокупил к поминальному тосту Тамару. Морозов не при чём, а Соболев с ней, вроде как, подружился.

Утром мужчины проснулись на удивление бодрыми, словно и не пили водку до четырёх часов. Когда Соболев вышел в кухню, Андрей уже варил кофе в турке.

– Доброе утро. Ну, что? Сегодня поедем?

– Получается, сегодня. – кивнул Костя. – Кофейком взбодримся, и вперёд. На подвиги.

Морозов налепил каких-то даже съедобных бутербродов. Костя прислушался к себе. Нет, правда, будто не пил. Придется ехать.

– Сам как думаешь, что там? – спросил он у Морозова.

Тот в ответ только плечами пожал, а в глазах его промелькнула тень страха.

Они решили не подъезжать на машине к деревне. Не доехали метров триста, Морозов поставил девятку поближе к деревьям. Дорога была одновременно и знакомой, и как будто ни разу не виданной. Странное ощущение. Морозов с Соболевым шли по дороге, и чем дальше шли, тем больше недоумевали. По их ощущениям, должна была уже показаться опушка, на которой стояла деревня Позднее. Но перед глазами была совершенно другая картина. Длинная, бесконечная просто, дорога уходила в глубь леса.

– Ничего не понимаю. – пробормотал Костя. – Мы не туда свернули, что ли?

– Тут больше некуда сворачивать с левой стороны. Заправку мы проехали, до кладбища немного не доехали. Там, где надо свернули, в общем.

– Но тогда бы мы уже увидели!

Он прибавил шагу, Морозов едва поспевал за ним. Соболев начал злиться. Даже если они всё сделали правильно, и деревни больше нет – это место всё равно, простите, не могло за год зарасти деревьями. И потом, дорога… куда она ведёт? Через лес… и куда?

Размышляя и злясь, Костя внезапно натолкнулся на невидимую преграду. Чуть голову не расшиб. Андрей остановился чуть позади него. Соболев поднял руку и вытянул вперёд. Он видел всю ту же дорогу посреди леса, но его рука во что-то упиралась. Это что-то на ощупь было, как стена. Костя повернулся к Морозову и потрясённо спросил:

– А это что ещё такое?

Андрей растерянно пожал плечами и ничего не ответил.

Соболев упёрся ладонями в невидимую преграду и надавил как следует. Стена. Натуральная стена. Перед глазами дорога в лесу, а наощупь – непроходимая стенка. Костя приподнялся на цыпочках и попробовал толкнуть сверху – то же самое. Присел на корточки – ничего не изменилось. Соболеву не хотелось сдаваться. Он взял правее от дороги, утонув по щиколотку в опавших листьях. Ощущение стены никуда не делось, было и тут. Костя выбрался на дорогу и пошёл влево.

– Соболев, что ты пытаешься сделать? Ты же уже всё понял!

– Ничего не понял, в том и дело! Что за ерунда такая?

– Мне всё понятно, например. Ерунда магическая. Защищает от любопытных глаз. От гостей, в принципе.

– Да что защищает-то! – возопил Константин Соболев.

– То, что там. Давай рассуждать логически. – предложил Андрей.

– Если рассуждать логически с точки зрения банальной эрудиции… – пробормотал себе под нос Костя.

– Чего-о? – не понял Андрей.

– Да отец у меня так в детстве шутил. В моём, в смысле, детстве. То ли по трудам Ленина, то ли Маркса – не помню. Вот ты сейчас сказал, и всплыло. Ну, так что там с логикой-то?

– Мы пришли куда хотели, Костя. Тут был въезд в деревню Позднее. Значит, именно её и защищает эта магия. Больше ничего на ум не идёт. А тебе?

– А я вот думаю, может опушку по кругу обойти?

Соболев посмотрел на непролазный лес. Ну, не то чтобы совсем непролазный, но очень густой. Представил, каково это будет, им с Морозовым продираться через эту чащу, чтобы пощупать невидимую защиту в другом месте. Попробовать нащупать в ней брешь. Везде должна быть лазейка – не может же её не быть тут?

Андрей тем временем развернулся и пошёл в сторону машины. Костя сплюнул и последовал за ним. В девятке он спросил своего друга журналиста:

– И зачем я припёрся из Москвы сюда? Чтобы побиться головой о невидимую стену?

– А что я-то могу сделать? – обиделся Морозов. – Не я её там поставил.

– Ну так ты предлагай! Что будем делать дальше… а то ведь я уеду, и живи тут, как хочешь. Чего тебе не живётся спокойно, Андрей? Зачем тебе снова лезть в это Позднее? Видишь, люди стеночку поставили, чтобы никто не зашёл. А если никто не зайдёт, то никого и не съедят!

– Ты рассуждаешь странно.

В голосе Морозова звучал упрёк. Но Соболев просто рассуждал, как человек, который уже начал немного жалеть о том, что бросил всё в Москве – работу, аспирантов, жену – и приехал к чёрту на рога непонятно зачем. Да, нет, он не стал бы утверждать, что ему неинтересно, что тут творится сейчас. Это было бы неправдой. Всё-таки, Константин чувствовал свою ответственность, как ни крути.

– Ты слушаешь меня? – тряхнул его за плечо Андрей.

– Да. Нет. Что ты говорил?

– Понаблюдать, говорю, я предлагаю. Припарковаться где-нибудь, чтобы видеть съезд с дороги, и последить, кто будет въезжать-выезжать.

Соболев уставился на Андрея во все глаза.

– Ты серьёзно, что ли? Да мы так тут всю неделю можем просидеть, и никого не увидеть! Раньше, насколько я помню, мало кто и куда из местных выезжал. Не думаю, что что-то изменилось. Не хочу я всю неделю просидеть в засаде.

– Соболев… у нас тут нет большого театра. И даже малого нет. Да и вообще, плохо со светской жизнью. Сиди себе, да сиди! В засаде…

Костя покачал головой, снял машину с ручника, выжал сцепление, и… услышал удивлённый возглас Морозова:

– Откуда кровь?!

Соболев нажал вместо газа на тормоз и покрутил головой:

– Где?

Костя взял его правую руку, оторвал от руля и перевернул ладонью вверх. Через всю ладонь шла царапина. Длинная и глубокая, больше похожая даже не на царапину, а на порез. Из-под ровных краёв сочилась кровь, совсем немного. Но на коробке передач, ручнике и обшивке руля остались следы. Если бы не Андрей, Соболев мог бы и не заметить – боли он не почувствовал. И понятия не имел, откуда взялась эта рана.

– Может быть, я о ветку поцарапался, пока там лазил? – предположил он.

Морозов промолчал. Насколько он помнил, кроме невидимой стены, Костя ни к чему не прикасался.

День они провели в машине, припарковав девятку Соболева недалеко от заправки. Так, что поворот на лесную дорогу в сторону Позднего был от них на некотором расстоянии, но как на ладони. По очереди отходили за кофе с пирожками в заправочное кафе, и в туалет. Когда стемнело, Соболев сказал, что ему надоело. Спина затекла, хоть он и выходил из машины

несколько раз. А ещё каждый, кто проезжал мимо, смотрел на них весьма подозрительно. Да и девушка за стойкой в кафе в конце дня была уже не такой приветливой. За день они всем намозолили глаза, и Костя подумал, что если завтра снова предстоит провести день в засаде, то нужно придумать другое место для неё.

Дома Морозов опять приготовил яичницу, на этот раз с шампиньонами и луком.

– А пиво есть? – спросил Соболев.

Андрей кивнул и достал из холодильника две бутылки нефильтрованного пива. Он чувствовал себя немного виноватым. Дурацкая идея была сидеть весь день, глядя на дорогу. Потеря времени.

– А где твоя машина? – Костя единым духом выдул полбутылки пива и сразу почувствовал, как отступает усталость.

– Во дворе стоит. На месте.

– Может, имеет смысл сидеть там по одному, а второй мог бы заняться чем-то ещё.

Костя чуть не сказал «более полезным», но вовремя прикусил язык.

– А я уже хотел признать, что ошибся. Неудачная была идея наблюдать за этим выездом.

– Слушай, ты хоть что-то предложил. У меня вообще от разочарования не было никаких идей. Я только и мог, что ныть. А вот сейчас уже думаю, что один пусть следит за дорогой, а второй, например, поищет ведьму. – предложил Соболев.

– Где ж мы её найдём? – озадаченно спросил Морозов.

Костя пожал плечами. Мол, ты журналист, ты и думай, где искать того, кто поможет разобраться со странной невидимой оградой вокруг Позднего. Или того, что когда-то было Поздним… что же там сейчас? Что так надёжно спрятали от посторонних глаз?

Мысли долго не давали Соболеву уснуть, и он всё ворочался на своём диване. Точнее, на диване Андрея. Сам Морозов спал в маленькой комнате на полуторроспальной кровати, а Косте отдал большую гостиную с большим диваном. Интересно, Андрей спит, или тоже мучается мыслями о проклятой деревне? Костя почесал ладонь с неизвестно откуда взявшейся царапиной. Только к вечеру, дома у Морозова, он промыл её и залил йодом. И вот теперь ладонь начала чесаться. Что если за день он умудрился занести туда инфекцию?

Костя не заметил, как заснул. Во сне он стоял на дороге, ведущей в село Позднее перед невидимой стеной. Только в отличии от того, что было утром наяву, сейчас Соболев видел сквозь преграду, как через стекло. Там, за магическим барьером, была небольшая деревенька. Меньше, чем раньше – всего домов пять-шесть, стоящих поодаль. От леса и до самых домов расстилалось большое круглое поле. Трава пожелтела, по-осеннему прилегла отдохнуть перед наступающей зимой, но кое-где ещё зеленела редкими островками. Соболев просто стоял и смотрел на новенькие домики, на поляну, где не было ни души, и думал, что же он тут делает.

Внезапно перед ним появилась девушка. Соболев вздрогнул и присмотрелся: это была Надя. Она положила ладонь на стену со своей стороны и смотрела на него. Ждала. Костя поднял руку и тоже прикоснулся ладонью к стене. Заранее содрогаясь, приготовился почувствовать могильный холод, исходящий от девушки. Хотя… о чём это он? Не было от Нади никогда никакого холода… наоборот, были огонь и страсть. Может быть, красавица была бездушным монстром, но тело её играло в руках Соболева, как музыкальный инструмент, способный звучать мелодией любви.

– Где же ты?! Я ведь жду тебя… – услышал он голос Нади.

Соболев открыл глаза и обнаружил себя в машине за рулём. Он был полностью одет, – в джинсах, свитере и куртке, – а девятка ехала по дороге сквозь лес. Что за ерунда? Это продолжение сна? Но почему такой резкий переход? Костя нажал на тормоз. Чувствовал он себя странно, будто не спит. Ущипнуть себя, что ли? Костя подумал, что пока не происходит ничего такого, чтобы щипать себя. А ещё подумал о том, что надо было вечером позвонить жене. А он почему-то вечером даже не подумал об этом. А думает сейчас, как будто впереди его ждёт

что-то очень плохое. Поэтому, надо было позвонить. И… что? Попрощаться? Костя полез в карман за телефоном и понял, что сотового с собой нет. Ну, если всё это ему снится, тогда отсутствие телефона понятно и логично. Во сне мобильная связь ни к чему.

Поставив девятку на ручник, Соболев вытащил фонарик из бардачка. Интересно, работает? Год машина просто стояла возле Петиного дома – никто не включал фонарик. Рычажок сдвинулся, фонарь загорелся. Странно… Соболев рассуждал так, будто не спал. Как наяву. Но разве мог он наяву приехать на машине в лес, и не помнить об этом? Костя прошёл в сторону сожжённой им год назад деревни. Где-то уже тут… руку с фонариком он держал на уровне пояса, а вторую вытянул вперёд, чтобы нащупать невидимую преграду. Костя только едва коснулся барьера, как вдруг сильная рука схватила его за кисть и дёрнула. Соболев и ойкнуть не успел, как уже стоял перед круглой поляной, за которой виднелись тёмные домики. Всё, как он недавно видел во сне, только тогда был день и светло, а сейчас лишь тусклый свет фонаря помогал Косте увидеть, что перед ним.

– Ну, привет! – услышал он тихий голос слева. – Выключи свой фонарик.

Вряд ли Соболев мог забыть этот голос, или перепутать его с чьим-то другим. Он уже слышал его сегодня во сне. Ранее она сказала: «Где ты, я жду тебя?», или что-то в этом роде. Костя повернулся и посмотрел на Надю. Она приложила палец к губам.

–Тс-с. Говори тише.

– Какая разница? Это ведь сон.

Надя улыбнулась одними губами и покачала головой.

– Что? Это не сон?! – изумился Соболев. – Но ты мертва.

– Да. Уже несколько лет. – грустно сказала Надя. – Но ты можешь мне помочь.

Он замер, пытаясь переварить информацию. Несколько лет? Он вспомнил давний телефонный разговор с Петром из дома Захара. «Она утонула в Смоли позапрошлым летом» – сказал тогда Пётр. Соболев почувствовал, что земля уходит у него из-од ног, протянул руку, чтобы опереться за магическую стену, через которую его затащили сюда, и не почувствовал опоры. Чуть не упал – Надя подхватила его.

– Осторожнее! В ту сторону не заперто. Но мне туда нельзя. Что с тобой такое?

– Что-то мне… нехорошо. Я правда не сплю?

Он нашёл глазами дерево, подошёл к нему, стараясь удержать картинку перед глазами. Прислонился спиной.

– Ущипни меня. – попросил он Надю.

– Я лучше сделаю вот так. – ответила она, подошла и поцеловала Соболева.

Он аккуратно, но твёрдо отстранил девушку.

– Не надо! Я понял.

Странным было то, что Соболеву стоило больших волевых усилий прервать этот поцелуй. Его тянуло к Наде как в старые добрые времена, ещё до того, как он узнал, что она – монстр. Тварь, жрущая людей. Этого Костя никак от себя не ожидал. Голова вроде кружилась уже меньше, но теперь в груди зашевелился страх. А вдруг Надя рассердится, что он оттолкнул её, и сожрёт Соболева? Надо как-то отвлечь её от нехороших мыслей.

– Значит, Марк не убил тебя тогда? Сам он тоже жив, как я слышал.

– Это всё неважно! Костя, возможно есть способ мне помочь! Я тебя прошу. Помоги мне! Хотя бы по старой памяти!

– В каком смысле – помочь? – спросил Соболев, не понимая, что это может означать.

Он не понимал, чем может ей помочь, не понимал, как оказался тут, не помня дороги. Не помня, как оделся и вышел из дома, как сел за руль. Сейчас Соболев мог только стоять рядом и чувствовать странную тягу к этой неживой женщине. И ощущения внутри пугали его гораздо сильнее того, что происходило с ним на внешнем уровне.

– Вставай! Костян! Да вставай же ты, что с тобой такое?!

Соболев словно издалека слышал голос, зовущий его. Призывающий встать.

– Я стою. Около дерева. – проворчал он. – Ты не видишь, что ли?

Морозов выругался и тряхнул его как следует. Соболев сел на диване и похлопал осоловелыми глазами.

– Костя… что с тобой? Ты что, ходил на улицу? Почему ты одетый?

Прорваться в реальность было невероятно трудно. У Соболева было ощущение, что он не спал вообще. Нисколько не спал.

– А сколько времени? – спросил он, так и не придя в себя окончательно.

– Восемь утра.

Они помолчали, потом у Кости возник очередной вопрос:

– А во сколько мы ехать собирались?

Наверное, они договорились выехать в какое-то определенное время из дома, чтобы искать ведьму и сидеть в засаде, а он всё проспал. Но если Соболев всё проспал, какого же хрена, спрашивается, он сонный такой? Костя застонал и упал обратно на подушку. Может это воздух? После Московского, точнее, по сравнению с ним, воздух свежий, вот он и разоспался. Костя наконец почувствовал, что ему не очень комфортно. Жарко и несвободно. Он приложил все усилия, чтобы открыть глаза, и ему это даже удалось. Соболе посмотрел на себя и понял: он одетый. В джинсах и свитере.

– А почему я одетый? – спросил он.

– Звездец. – сказал Морозов, и ушёл в кухню.

Соболев посидел минуту и пошёл умываться. Он вспомнил, хоть это и казалось невероятным. Ночью он ездил на машине в Позднее, и был там, внутри, за невидимым барьером. Говорил с Надей. И даже помнил, о чём именно говорил. Вот только как он оказался в машине на лесной дороге, и как потом вернулся обратно – этого Костя совершенно не помнил. А вот Надин рассказ – да. Он привёл себя в относительны порядок – почистил зубы, умылся. Подумав, сунул голову под кран. В голове стало немного яснее.

Жутко хотелось кофе. Пошёл в кухню к Морозову, намереваясь всё рассказать ему, неважно что подумает журналист. Уже на пороге кухни Соболев услышал голос Нади в голове: «Только не говори никому», и завис на минуту. А потом сказал сам себе, но адресовал Наде, естественно: «Да иди ты!»

– Кофе есть?

– Как не быть. – язвительно ответил Андрей. – Сию минуту подам.

– Ну, вот… а я только собрался всё тебе рассказать.

– Рассказывай! – уже серьёзно сказал Морозов, разлив кофе по кружкам и поставив на стол сковородку с глазуньей.

– Короче, я одетый, потому что ночью был в Позднем.

– Да ладно… туда же не пробиться!

– Меня она затащила. Надя. – Соболев поморщился и отхлебнул горячего напитка из кружки.

Вот только гримаса была скорее наигранной. Просто потому, что Надя – монстр. Надя – фу. Положено корчить рожи при упоминании о живых трупах. А не потому, что Соболев действительно чувствовал отвращение. Вот удивительно, ведь всего день назад он его чувствовал! На самом деле, ощущал отвращение при малейшем воспоминании о мёртвой девушке в своей постели. Пусть и выглядела эта девушка вполне живой. Пусть и секс с ней был лучше, чем с живыми девушками. Но помня о том, кто такая Надя, Соболев внутренне содрогался, вспоминая её. И что же? Куда всё делось сегодня? Костя почесал ладонь и продолжил:

– Я не помню, как вышел из дома и поехал. Очнулся там. Сначала думал, что сплю. Но потом, в процессе общения с Надей, понял: это не сон. Я видел её. Я видел деревню, Андрей. Она меньше, чем та, что была раньше. Но она там есть.

Морозов посидел, переваривая информацию. Потом встал, нашарил сигареты в шкафу, открыл форточку, чиркнул зажигалкой. В окно повеяло осенним холодом. Тем самым, который призван предупредить: я – это только цветочки. Скоро начнутся настоящие холода. Андрей затянулся сигаретой и пустил мощную струю дыма в форточную щель. Холод фыркнул и убежал обратно на улицу.

– Ты говоришь, она тебя затащила… как это?

– Я прикоснулся к этой невидимой защите, и меня внезапно сильно дёрнули за руку. И я оказался в деревне. Сам не понял, как. Ну, то есть не было ощущения, что меня протащили через колючую проволоку, например. Вот я бреду по лесу с фонарём, пытаясь нащупать этот заслон, потом рывок, и вот я уже вижу деревню. Несколько домов. Посчитать не успел, извини.

Морозов подумал: «При чём тут колючая проволока?» И действительно, вряд ли магический барьер имеет какую-то материальную составляющую. А вот почему при всей своей нематериальности он ощущается стеной и не пропускает людей – это вопрос…

– Ты продолжай! – попросил Андрей. – Чего замолчал?

А Соболев всё прислушивался к себе. И то, что он чувствовал, ему не нравилось. Решительно и категорически не нравилось. А чувствовал он желание снова увидеть Надю. Костя опять почесал ладонь и посмотрел на царапину. Потом спросил у Морозова:

– Ты искал ведьму?

– Ну…погуглил немного. Нарыл одну бабку. Точнее, нарыл я двоих. Был ещё мужик. По отзывам просто сам дьявол во плоти – всё мог. Но несколько месяцев назад он переехал, и никто не знает куда.

Ладонь Соболева вдруг зачесалась со страшной силой. Он потёр её о шершавую джинсу и подумал, что, кажется, знает, куда переехал ведьмак.

– В Запрудном жил, или в Красноярске?

– В Быково. Это пятнадцать километров от нас.

– Он в Позднем. К бабке не ходи.

– Ты, Соболев, пока ночью путешествовал, головкой случайно не ударился? Человек был крайне востребован, к нему не то, что со всей Сибири – со всей страны приезжали. Это деньжищи какие! Ради чего бы он всё бросил и в глушь залез, сам посуди?

– Андрей, ты правда такой тупой? Или прикидываешься?

Морозов в глубоком раздумье поднял глаза к потолку и через пару секунд хлопнул себя по лбу:

– Бессмертие! Он польстился на вечную жизнь.

– Ну, конечно!

– Так, погоди… а с чего ты взял-то?

– С того. Во-первых, защита на деревне стоит прямо-таки самого высшего уровня. Дьявольского просто. А ты сказал, что этот колдун… как кстати его зовут?

– Григорий. Белов Григорий.

– Надо же… Белов, а туда же. Магия явно не белая. – Соболев помолчал, и собравшись с духом выдал. – Приворожили меня, Андрюха.

– Иди ты! – Морозов закрыл форточку и присел к столу. – Поясни!

– Да царапина эта, будь она неладна! Она появилась, когда я там стоял, прощупывал эту невидимую хрень, которая нас не пропускала. И после того, как я вечером уснул, мне вдруг снится Надя, которая зовёт меня. Я в каком-то бессознательном состоянии встаю, одеваюсь, сажусь в машину, а в себя прихожу уже почти в позднем. Слушай, а если бы я прямо на машине, да в этот невидимый барьер, а? Всю морду бы девятке разворотил.

– Слушай, Бог с ней, с девяткой! Не разворотил же… а почему она вообще жива, Надя? Я ничего не понимаю, мы уничтожили этих зомбаков, или нет?!

– Да-да, успокойся!

Ничего себе, успокойся! Надя-то ходит себе дальше по земле, а он говорит: успокойся.

– Ладно! Как она… – Андрей подумал, что слово «выжила» тут не очень подходит. – … уцелела? Что значит «тебя приворожили»? И расскажи мне наконец всё, пожалуйста!

И Соболев начал рассказывать. Откуда-то очень издалека.

– Почему я думаю про приворот? Когда вернулся год назад из Сибири, очень много читал про магию. Теперь, когда я верю в неё, решил узнать побольше. Раньше я, учёный со степенью, даже близко не подумал бы, что магия может существовать. Ну какая к чёрту магия? Бабкины сказки. А тут нашёл парочку книг постарше, и прочёл. Большую часть магии занимает целительство. То, что наши врачи считают неизлечимым, можно исцелить с помощью трав и заговоров. Какую-то часть – предсказания и ясновидение. Спиритизм – это понятно, надеюсь? Контакт с душами умерших. Ну, и прочие ритуалы. Плохие, разрушительные. Например, порча. Наслать её несложно, снять – практически невозможно. Снять может тот, кто наслал. Потому, что способов наговорить на человека неприятности, недуг и даже смерть, великое множество. Такие заклятия снимаются тем же способом, что и накладываются. Только в обратном порядке. Поэтому, не знающему в чем дело колдуну, практически не по силам исцелить человека, на котором порча…

– Соболев, что за ликбез? Ты про Надю будешь рассказывать?

– Не перебивай. – нахмурился Костя. – Я почти дошёл до этого… привороты. Тоже делаются самыми разными способами. И тоже должны быть сняты тем, кто приворот наложил. А самый сильный приворот – на кровь человека. Меня не просто порезали ради этой царапины. У меня взяли кровь, думаю. И началась эта фигня с Надей. Сначала сон, а потом встреча в ночи наяву. А теперь я чувствую, что хочу её видеть. Вообще ни о чём, кроме Нади думать не могу, представь? Вот я и говорю: этот колдун, видимо, там. Кто бы ещё так ловко взял моей крови и что-то такое поганое со мной сотворил? Только сильная ведьма. Или ведьмак. Я уверен, что это именно Белов. Григорий. Мать его!

Соболев почесал ладонь и подышал, приказывая себе успокоиться. Морозов от нетерпения вот-вот протрёт дырку на стуле – ёрзает сидит. Надо рассказывать дальше.

– Она уцелела, потому что Марк засунул её в какую-то подземную темницу. В подвал, в погреб – не знаю. Надя говорит, что выбралась бы, но на крышку погреба положили заговорённую траву – любой контакт с такой травой, даже через дерево и металл, для них адская боль – прожигает до костей. Вот она и сидела там. Злилась, что не может вылезти. А потом началось… взрывы, огонь, крики. Надя всё это переждала, и снова попробовала прикоснуться к крышке. И смогла – трава-то магическая сгорела со всей деревней. Ну, она просто вышибла крышку, да и и вылезла. Сначала проверила, не уцелел ли кто. Когда поняла, что нет, начала себе строить что-то вроде шалаша, чтобы было где укрыться от снега и дождя. Так-то они не мёрзнут…

Костя помолчал, проглотил ком в горле, подступивший на ровном месте, и продолжил:

– А через какое-то время в деревню вернулся Марк. «Я так обрадовалась ему! Как родному. Сразу забыла все обиды. Забыла, как он меня замуровывал. Убить грозился. Мы ведь из всей деревни с ним только вдвоём и остались. Я даже не знала, что я способна ТАК радоваться – мне казалось, что все мои чувства утонули вместе со мной в тот день, в Смоли…» Они начали всё сначала. Строить дома, искать желающих поселиться в Позднем. А потом Марк нашёл того, кто защитил село от непрошенных гостей.

Соболев допил кофе и посмотрел на остывшую яичницу. Аппетита не было совсем. Если с человека не снять приворот, судьба его будет незавидной. Он заболеет и умрёт. Вариантов нет. Сопьётся. Сойдёт с ума. Покончит с собой. Соболев не знал, так ли это на самом деле, но в книге, которую он читал, было написано именно так…

– В общем-то это вся история. – сказал он Морозову. – А, да. Надя говорит, что её можно вернуть к жизни. По-настоящему вернуть. Но одной магии мало. Нужна наука в помощь магии. Она просит меня помочь.

Андрей смотрел на Соболева и думал, кто из них двоих в этой квартире спятил? Он сам, потому что ему померещилось… или не показалось, а Костя действительно говорил о помощи Нади не просто, как о её просьбе. А как о чём-то необходимом. Мол, братан, человеку надо помочь. И мы поможем. Именно такая интонация прозвучала в последнем предложении. Соболев сказал: «Она просит меня помочь», а звучало это как «Я решил ей помочь».

– Костя, но ты же не собираешься… – начал Морозов.

– Я не знаю! – Соболев вскочил из-за стола, уронив стул. – Я не знаю, собираюсь я что-то там, или не собираюсь! Но одно я тебе скажу: думать ни о чём, кроме Нади, у меня не получается…

Морозов подъехал к забору, из-за которого виднелся дом. Не дом – дворец. Учитывая, что место находилось в жуткой глуши, практически в лесу, Андрей ожидал увидеть чего попроще. Избушку на курьих ножках. А в ней бабку-Ёжку, ага. Он внутренне усмехнулся. Достал телефон и написал в вотсап: «Я подъехал». Технический прогресс неумолимою идёт вперёд, уже и в магию проник. Даже ведьмы предпочитают общение в вотсап.

Андрей подождал буквально минуту, и в заборе открылась калитка. Оттуда выглянула улыбающаяся девушка и махнула Морозову, иди, мол, сюда. И снова Андрей удивился. Эта красотка и есть, что ли, жуткая ведьма, Аглая Васильевна? Да вряд ли. Судя по отзывам, колдунья принимала уже очень много лет, а девчонке было от силы двадцать. Ну, может, двадцать пять.

– Здравствуйте. Я к Аглае Васильевне. – сказал Морозов, подойдя поближе.

– Ой, да проходите уже, холодно же, я раздета.

Девушка буквально втащила его в калитку и захлопнула её, добавив:

– Ба… ой, Аглая Васильевна вас ждёт.

– Ба…? Она бабушка ваша? – догадался Андрей, и почему-то обрадовался.

– Проходите-проходите, недосуг болтать.

Она перестала улыбаться и внимательно посмотрела на него своими невозможными синими глазами. Морозов смущённо отвёл взгляд и осмотрелся в холле, в который его привела… как её хоть зовут-то?

– Я Андрей. А вы?

– Проходите, Андрей. Вас ждут.

Девушка, не пожелавшая назвать своё имя, открыла небольшую дверь, а сама убежала. Морозов пожал плечами и прошёл. Девушка была так хороша собой… сколько лет он уже живёт один? Сколько помнит себя, столько и живёт. Как уехал от родителей.

Одержимый идеей мести он прожил пятнадцать лет. Оставшуюся энергию свою, ту, которую месть не смогла сожрать, потратил на образование, а потом на работу. Романы с барышнями бывали, конечно, но… ничего серьёзного Морозов не предполагал изначально. Семья? О какой семье речь, если ты думаешь только о том, как подобраться к кровожадным тварям, сожравшим ни за что, ни про что, твоего друга…

– Почему так долго? – спросил Андрея строгий голос.

Он понял, что стоит перед какой-то красной занавеской, а внутрь так толком и не прошёл. Морозов отодвинул ткань рукой и увидел помещение. Квадратную комнату без окон, слева, у стены, большой деревянный стол. А за ним сидит женщина, лет… тридцати? Что за дьявольщина, девчонка же сказала, что Аглая его ждёт?!

– Я к Аглае Васильевне! – уже теряя терпение сказал Морозов.

– Ох ты ж, Господи. – женщина стащила черный шарф, замотанный как тюрбан, с головы, отчего показалась ещё моложе, и сказала. – Да я это. Я! Проходи.

– Вы?! А сколько ж вам лет?

Он прошёл и сел к столу.

– Хам какой, ты погляди на него. – расхохоталась Аглая. – Ну, шестьдесят восемь мне. Доволен?

– Вы врёте! – совсем уже по-хамски заявил Морозов.

– Деньги принес? Давай. И начнём. Не весь же день мне с тобой тут сидеть. – ведьма снова стала серьёзной.

– Ну, пожалуйста!.. Покажите паспорт. Именно, что я же плачу за консультацию. Хочу её получить у того, к кому приехал.

Женщина посмотрела на Морозова и сказала после небольшой паузы:

– Тебе двадцать девять лет, ты не женат. Работаешь с текстами – то ли пишешь, то ли правишь, а то ли и то, и другое. Год назад ты, Андрей, пережил потрясение, хотя случилось это с тобой в том месте, куда ты шёл всю свою жизнь. А сейчас тебе нужна помощь для друга, то ли порчу снять, то ли приворот – тут расплывчато. И ещё вопрос какой-то тебя мучает. И тебя, и того товарища твоего. Вроде как вы хотите узнать побольше о каком-то человеке. Тут вот тьма какая-то, и я не совсем понимаю, почему с этим вопросом ты пришёл ко мне. Но свои пять тысяч, я так понимаю, я заработала, да, Андрей?

– А… – Морозов облизнул губы. – А вы и имя моё видите?

– Господи… люди-люди. Да ты ж ко мне записывался, соколик! Имя своё сам и назвал.

– А-а. – понимающе протянул Андрей.

Он вытащил пятитысячную купюру из кармана и сказал:

– Ну так можно помочь другу-то? Снять… приворот?

– В принципе, можно попробовать. Но если приворот удастся снять, то обратная связь прилетит той, к которой приворожили. Её энергетика пострадает.

Морозов подумал, и решил не юлить с той, которая так подробно всё про него рассказала. Она и правда что-то может, это было очевидно.

– А если та, к которой сделан приворот, не живая? У неживых есть энергетика, а?

Аглая вытаращила на Андрея свои, и без того немаленькие, глаза и взялась за телефон. Он почему-то подумал, что ведьма сейчас вызовет охрану, чтобы прогнать Морозова, но она сказала в трубку:

– Меня не беспокоить, никого не впускать.

Из динамика послышался юный голосок, видимо внучка что-то пыталась объяснить Аглае, но та перебила, не дослушав:

– Нет, Лизавета. Никого. Пусть ждут, или перезапиши. Отбой! – она отложила сотовый, оперлась подбородком на ладони, поставив локти на стол, и спросила с огнём в глазах. – Это правда, значит? Они есть? Тут, у нас? Не слухи?

Морозов этого огня в очах ведьмы испугался даже немного. Это было не просто любопытство. Жадность, готовность всё бросить, и бежать куда угодно, чтобы узреть чудо – вот что горело в глазах Аглаи. И ещё молодость и задор. Почему? Если ей шестьдесят восемь лет, как она может так выглядеть?

– А что вы слышали? Какие слухи?

– Давай на «ты», а? И деньги свои забери. – она отмахнулась от пятитысячной, как от мухи. – Зови меня Глаша. Давай так. Я расскажу всё, что слышала, а ты мне всё, что знаешь. А знаешь ты, я вижу, много. Вот только тяжесть это, знания твои. Груз. Давит на тебя плитой – не разогнуться. Скинь груз, Андрей. Облегчи свою душу, а там, глядишь, я чего дельного и посоветую.

Соболева Морозов оставил дома, хотя тот всё порывался поехать в засаду на дорогу напротив Позднего. Насилу Андрей его убедил, что ни к чему теперь засада, если Костя сам лично был там несколько часов назад. Морозов понимал, что засада – просто предлог. Костю тянуло к Наде, и Андрей был в ужасе от происходящего. И сейчас, заперев Соболева, который не мог найти себе места, в квартире, думал, что к ведьме Аглае смотается быстро. Одна нога, как говорится, здесь, вторая тоже уже тут. Но… всё пошло не по плану. Такие союзники, как Глаша, на дороге не валяются, и Андрей решил, что не будет ничего от неё скрывать. Тётка, судя по всему, была в своём деле мощная, но и Морозов на интуицию никогда не жаловался. И вот сейчас эта самая его интуиция подсказывала, что ведьме стоит довериться. Он начал свой рассказ. Долго вещал о событиях прошлого года, описывая всё очень подробно. А потом перешёл к недавним происшествиям: случайно встреченному Марку, магическому барьеру около деревни, странной ночной поездке его друга, Соболева, и предполагаемому привороту. Ничего не утаил. Рассказал, и уставился на Аглаю. Твоя очередь, мол.

– Я поняла-поняла. – она откинулась на спинку стула и задумалась на мгновение. – В общем, я слышала об этом гиблом месте. Также, как слышала о ведьме Соне от своей бабки ещё. Была эта Соня изгоем, жила в лесу. Но к ней никто не совался – боялись. Избушку её за километр обходили. А потом заметили, что избушка вроде как нежилой стала. Думали, сгинула ведьма. Но она объявилась. В посёлок иногда наезжала. Бывало одна, бывало с мужиком. Так вот, люди старые, которые ещё до войны родились, состарились, и помнили Соню молодой, говорили, будто она совсем не меняется. А это невозможно даже при сильной магии. Тогда бабушка мне и сказала, что знать Соня что-то наколдовала, сама не знамо что, вот и получила побочный эффект. Специально так не наколдуешь. Ну, а уж после, когда я вовсю сама уже практиковала, слышала, что в той деревне нечисто. Мол, люди из Запрудного пропадают, если пойдут в лес не ко времени. Вроде как живут там, посреди леса, в деревне, твари какие-то, с виду – обычные люди. Они и сжирают тех, кто случайно забредёт к ним. А Соню ту я в Запрудном сама видела, когда у меня уж внуки пошли. И всё дивилась, как это возможно такое. Я девчонкой была – она молодая, и теперь такая же.

– Теперь Сони нет уже. – напомнил Андрей. – Её съела та самая тварь, про которых вы слышали.

– Да-да. Мы на «ты» с тобой, помнишь?

– Постараюсь запомнить… а по поводу молодости… вам ли жаловаться? Серьёзно, шестьдесят восемь?

– Ты мне не напоминай. И без того тошно. – серьёзно сказала Аглая. – В паспорте такие циферки написаны. А так-то… ну, подколдовала немного, конечно. Но это всё временная мера, Андрей. Я всё равно старею. Просто не так, как обычные люди.

– Я вот ещё что хотел спросить. Помните… помнишь, ты сказала: я хочу узнать о человеке, там тьма какая-то. Не понимаешь, почему хочу спросить у тебя…

– Да, помню. Кромешная тьма, я бы сказала.

– Григорий Белов. Знаешь это имя?

Морозову показалось, или Аглая даже слегка отшатнулась от него? Правда, быстро взяла себя в руки.

– Знаю. Был такой. В Быково он жил. Как не знать? Конкурентов должно знать. А потом он исчез. И люди говорят, что поскольку Белов с самим Сатаной знался, то прямиков в ад и отправился.

Андрей смотрел на Глашу во все глаза. Она усмехнулась в ответ на его реакцию.

– Но это всё чушь, конечно. Переехал куда-то Белов. А вот куда и зачем, он никому не докла…

Тут она остановилась по полуслове и открыла рот в немом изумлении. Так бывает, когда пронзает догадка. Втыкается в мозг, как игла, и ты от удивления теряешь дар речи на секунду. Настала очередь Андрея усмехаться. А Аглая потрясённо вымолвила:

– Так ты думаешь, он там? В этом Богом забытом месте?! Где мёртвые, как живые, а живые вообще как непонятно кто?

Морозов кивнул. Именно так и думаю, мол.

– А я бы и не удивилась. Белову-то, почитай, уже около ста двадцати годков. Как ни колдуй, а придёт костлявая. Рано или поздно явится. И за мной тоже… – ведьма сделалась задумчивой.

У Морозова всё внутри замерло: СТО ДВАДЦАТЬ ЛЕТ?! Но он постарался скрыть, насколько потрясён. Заговорил о другом:

– Ой, перестань расстраиваться! И за мной, и за всеми явится – что теперь?

– Но эти-то там как-то выкрутились! – с завистью сказала Аглая.

– Короче… мы там их немало положили. Правда, Марк, как я понял, новую общину себе набирает. Так ты иди, Глаша, вступи. Только ведь мы и новую положим. – Морозов вдруг жутко разозлился и даже прищурился, глядя на Аглаю.

Он за помощью приехал. А получилось какое-то чёрт-те что! Баба эта явно тяготится своей старостью, хоть и выглядит как студентка. Ну, чуть постарше, может. Зачем он ей вообще рассказал о Позднем? Не хватало, чтобы там теперь было два мага.

– Ладно-ладно, пошутила я. Ну, что там, приворот снять? За это деньги возьму! – посуровела Глаша. – И немалые.

– Да я уж понимаю, что такие дворцы не на пенсию строятся. – хмыкнул Морозов. – Сколько надо денег, и что ещё от нас требуется?

Аглая написала сумму на листочке и протянула Андрею. Он присвистнул: хорошо зарабатывают ведьмы.

– И это без гарантии! – предупредила она. – Но я честно сделаю всё, что смогу. А надо мне, кроме денег, твоего друга сюда. Вези.

– Когда?

– Да вот сейчас и вези – чего тянуть? Я всё равно всех отменила.

Морозов был уже в дверях, когда Аглая окликнула его. Он обернулся.

– Да?

– А про Лизку, внучку мою, даже не думай. Понял? Держись от неё подальше.

Интонация ведьмы не предвещала ничего хорошего. Крупные неприятности в случае ослушания, вот что звучало между строк в её предупреждении. Морозов смутился, кажется, даже испугался немного. Пробубнил: «Я ничо такого и не думал!», и рванул поскорее к своей машине. Если честно, он бы сюда больше не возвращался! Эта Глаша то удивляла, то пугала. А Лиза манила красотой и невозможностью её получить. Нет, не вернулся бы Андрей сюда никогда, но не бросать же Соболева один на один с такой серьёзной проблемой?!

Надя пробежалась по новеньким ступенькам крыльца, едва стукнула костяшками пальцев по двери, и распахнула её. Вошла.

– Марк, я пришла! Марк!..

Никто не откликнулся. Хм. Странно. Чего это он? Сам же вызывал? Она скинула красивые модные ботинки, которые ей недавно привезли, и сделала пару шагов по просторному коридору. И тут же почувствовала присутствие за спиной. Воздух перестал быть лёгким и прозрачным, стал тяжёлым. Надя не знала, каким образом, каким чувством, она ощущала присутствие человека, ведь у неё не было никаких суперспособностей, но факт оставался фактом. Марк неслышно подкрался сзади, а она почуяла. И что подкрался, и что это именно он.

– Зачем ты так делаешь? – со вздохом спросила Надя и повернулась к нему.

– Как? – прикинулся дураком Марк. – Я просто в шкафу лазил, когда ты вошла.

Он посмотрел на лицо девушки, в котором не дрогнул ни один мускул, и добавил, мотнув головой чуть назад:

– Там.

– Я же тебя звала. Ты не откликался. Значит, хотел подкрасться. И подкрался. Зачем ты вызвал меня, Марк?

– Поговорить с тобой хочу. – он нахмурился. – Проходи.

Надя прошла, села в плетёное кресло, закинула ногу на ногу и выжидающе посмотрела на хозяина дома. Главу деревни по совместительству. Что такое случилось? Неужели старый хрыч пронюхал о чём-то?

Она молчала, ожидая. Марк, пройдя к столу, присел напротив Нади и тоже не спешил нарушать тишину. Надя, читающая много разных книг и журналов, подумала, что это что-то из психологии. Создавать искусственные паузы, чтобы собеседник, ожидающий, зачем его позвали, занервничал. Вот только Надя не собиралась нервничать. Её нервы были давно и абсолютно мертвы. Ладно, Марк, хочешь поиграть? Поиграем! Время у Нади было. До вечера так точно.

Он понял, что Надя не собирается суетиться и задавать наводящих вопросов. Марк всё никак не мог привыкнуть к сути этих существ. Хотя, сейчас из них осталась только Надя. Но даже раньше, тогда, он никак не мог понять, что они – другие. Ведь выглядели-то все как обычные люди. И Тимофей, и Тамара, и прочие…

– Чего ты всё возле Гришки трёшься? Намазано тебе там, что ли? – сдвинув брови ещё суровее, спросил Марк у Нади.

Речь шла о новом ведьмаке, которого он заманил в Позднее на постоянное место жительства. Надя проводила с Беловым всё свободное время, и у Марка появились подозрения, что девчонка окрутила ведьмака, а теперь вертит им, как хочет. Вот только в его планы это не входило. Белов должен был сотрудничать с ним. Работать на него, на благо жителей деревни. А не развлекать Надьку.

– Ты чего, Марк? Нам что, общаться нельзя? – удивилась она.

– Можно. Но не всё время.

– Интересно… и кто же это лимитирует?

Марк подзавис. Он особо начитанным не был, всегда считал часы, проведенные с книгой, напрасно потерянным временем. Через минуту логически допёр, что именно хотела сказать Надя. Но решил не поддаваться на провокации.

– Ты мне на вопрос не ответила: чего ты всё время возле него трёшься? Он тут не для этого!

– Марк… иди к чёрту! Когда мы тут с тобой вдвоём остались, ты нарадоваться не мог, что я тоже выжила. А теперь что? Опять пытаешься влезть в мою жизнь?

Она недобро прищурилась, глядя ему прямо в глаза под нахмуренными бровями.

Выжила она… как бы не так. Марк, конечно, обрадовался Наде, когда вернулся спустя неделю. Несколько дней он отсиживался у Захарки в доме. Он, увы, своими глазами видел, что племянника больше нет в живых. Поэтому, дом Захара стал на первых порах для него надёжным убежищем. Однако, только на несколько дней. А потом Марк занервничал. О том, чтобы вернуться в Позднее, он сейчас даже думать не мог. Марк слышал взрывы. Весь Запрудный их слышал. Позднее было недалеко, просто хорошо спрятано в лесу. Вряд ли кто мог предположить, где рвануло. Марк мог. Он точно знал, где. Это враги уничтожили его дом. Его детище. То, что он создал на голой поляне, собрал по брёвнышку, а потом любил и берёг в течение восьмидесяти лет без малого.

Марк тогда воспользовался своим мобильным, который у него, естественно был, просто о нём никто не знал. Никто, кроме Сони – куда она, интересно, подевалась? Он позвонил важ-

ному и нужному знакомому, обратился с просьбой. Уже через час у Марка был адрес дочери, Людмилы. Блудной дочери, сбежавшей когда-то к жениху. Петька тоже должен был быть где-то там – он уехал к сестре. Почему бы не навестить детей, раз уж Марк внезапно лишился дома? И он решил навестить.

Людмила была ему настолько откровенно не рада, что Марк в момент отрезвел. Нашёл тоже, куда приехать! Да его дочь уже пожилая женщина, прожившая свою жизнь. Жизнь, из которой она вычеркнула отца давным-давно. А он, Марк, отец её, как был сорокалетним, так и остался таким. Ему не место рядом с Людмилой, точно не место!

Он попытался поговорить с Петром по душам:

– Не жалеешь, что ушёл из родного села?

Пётька усмехнулся и многозначительно сказал:

– Уж сейчас так точно не жалею!

И Марк сделал вывод, что сын в курсе того, что произошло в Позднем. Рядом с сыном он тоже чувствовал себя чужим. Когда же Марк так отдалился от своих родных детей? Или, это они от него отдалились? Точно. Они.

Пробыв в Красноярске ещё денёк, чтобы не создавалось впечатления, что он сбегает, роняя тапки, Марк вернулся в Запрудный. Прощаться с Людмилой и Петром не стал – чего прощаться? Это хорошо, когда люди чувствуют что-то. Любовь, разлуку. Понимают, что будут скучать. Начинают скучать, ещё не расставшись. А тут не было ничего. Видеть радость в глазах дочери, что он наконец-то уходит, Марк не хотел, и просто молча уехал. Он выдохнул за эти несколько дней. Понял, что ему нигде не рады, и никто его не ждёт. Жить в доме Захара непонятно на каких основаниях можно было до поры, до времени. А что делать дальше, у Марка не было ни единой мысли. Тогда он решил, а точнее, решился, сунуться в Позднее. Хотя бы посмотреть, что от него осталось.

Лошадь за два дня не сдохла – он оставил ей вдоволь сена и воды. Вот останься он в Красноярске насовсем, могла бы и сдохнуть. Но Марк и не думал, что останется там. А если бы даже не вернулся по какой-то причине к Захару в дом, то надеялся на соседей. Лошадь слопала бы сено и начала ржать на всю улицу Советскую. И уж конечно привлекла бы внимание. Кто-нибудь да откликнулся бы на жалобное ржание. Так что, совесть Марка не мучила. Но он был рад, что лошадь в порядке. Погладил её, взлохматил гриву.

– Хорош жевать. Поедем домой, посмотрим, что у нас там. – сказал он скотине.

Судя по тому, как решительно был настроен против их деревни московский гость, и по тому, как грохотало, Марк был уверен, что ничего хорошего его в Позднем не ждёт. Он запряг лошадь, сел в повозку, и поехал, мысленно готовя себя к самому страшному. Например, что Соболев сидит в засаде в лесу с автоматом, и расстреляет Марка, как только он появится. Ну, или ещё какая-нибудь пакость.

Снега насыпало немного, повозка свободно проехала по дороге. Марк смотрел в оба. Опасался увидеть Костину машину. Если бы увидел, сразу поехал обратно. Но дорога уже заканчивалась, а серой девятки не было видно. Нигде. Если только она не на поляне…

– Тпру-у! – натянул вожжи Марк.

Он спрыгнул с повозки, не доехав до Позднего метров двести, и пошёл пешком. Точнее, не пошёл, а покрался. Всё ему мерещился Соболев с оружием, который вот-вот выскочит из-за дерева. А вот и поляна…

Снег уже припорошил прогоревшую траву. Вкруг поляны, как воронки, виднелись следы взрывов на месте домов. То тут, то там, валялись обугленные куски досок, брёвен, осколки утвари, какое-то недогоревшее тряпье. Марк шагнул и споткнулся… о кость. Он брезговал поднять и посмотреть поближе – человеческая кость, или коровья. Зрелище жутковатое – чёрный налёт на белом. Белые проплешины костной ткани. Видимо, не та была температурка, чтобы кости сгорели в прах. Марк был уверен, что это не последняя такая находка.

Он услышал голос, и едва не побежал прочь от страха. Первая мысль: «Соболев, ружьё, убьёт», и только потом осознание, что голос-то женский! Марк прислушался:

– … чёрт, я не думала, что ещё кто-то остался! Да я тебя расцеловать готова, козёл ты старый!

И к нему подбежала Надя. Точно такая же, какой он её несколько дней назад посадил в погреб. Ну, может только чумазая немного.

– Надя… – ошарашенно сказал Марк.

– Надя! – передразнила девушка. – Хорош стоять пнём-то! Помогай.

– А что ты делаешь?

– Порядки навожу. Ты же видишь, какой тут срач! – она обвела взглядом поляну.

Марк посмотрел следом и почувствовал ком в горле. Надя сразу уловила его эмоцию:

– Так. Хорош! Не растекаться тут. У нас работы непочатый край. Давай, Маркуша, возьми себя в руки! Вождь ты, или кто?

Она засмеялась, и пошла дальше разгребать завалы. Марк понял одно: Надя не умерла, значит магия этого места осталась в силе! Значит, тут снова можно жить, и не стареть! Это же была просто прекрасная новость. Он чуть не подпрыгнул от счастья, потом вспомнил, что ему много лет, да и положение обязывает! Марк снова будет главным. В новой деревне, которую опять построит с нуля. А чего и нет? Ведь за эти восемьдесят лет с ним ничего не случилось. Он не постарел, не одряхлел. Всё тот же молодой мужик. Жаль только нет с ним его брата, и племянника. Тимофей стал живым мертвецом и Захару пришлось пристрелить родного отца. А сам Захар, его племянник, никогда не одобрял сложившуюся в Позднем обстановку. Хотя… если бы с Марком такое случилось, – родной отец превратился в чудовище, которое пришлось убить, – неизвестно, что почувствовал бы он сам…

Итак, его семьи с ним больше нет. Соня тоже куда-то подевалась. Или успела сбежать, или погибла со всеми. Но есть Надя, у которой сил, как у роты солдат. Вон она уже тут сколько разгребла! Да с такой помощью Марк быстро срубит дом. Лиха беда начало.

Он повернулся, чтобы ехать в посёлок за инструментами. Надя окликнула его:

– Куда это?

– За инструментом!

– Мусор вывези. Мне за границу никак.

Марк покивал и пошёл грузить мусор в телегу. С этого началось новое Позднее. Оно пока было небольшим, но Марк и не хотел выстраивать тут империю. Несколько домов, все при деле, все всё знают, заинтересованы, тайну хранят – этого достаточно.

Всё время, пока они строили новую деревню, Марк думал об одном: как защитить свой дом от непрошенных туристов. Которые прибывают безобидными писателями, а потом громят всё динамитом. Как? Охрана – ерунда. Нужно что-то более действенное. А ничего более действенного, чем магия, Марк не встречал за всю свою долгую жизнь. И он занялся поиском ведьмы. Собирал информацию по крупицам. Нужен был человек, который хорош в своём деле, и заинтересован в бессмертии. И такой человек нашёлся. Григорий Белов. Как Марк и ожидал, идея бессмертия была для ведьмака основной в его деятельности. Маги давно научились продлевать жизнь, но не навсегда. На какой-то срок – пятьдесят-семьдесят лет. Марк же предложил Грише буквально вечность.

– Что-то раньше не звали. – первым делом отреагировал Белов на предложение. – А как погорели, так прибежали.

– Раньше я о тебе не знал, а ведьма у меня была. А теперь знаю. Так что, пойдёшь?

– Полюбопытствую. – кивнул Гриша. – Возможно и перееду.

Марк протянул руку ведьмаку, тот пожал её и вздрогнул:

– А что с твоей ведьмой случилось?

– Да пёс её знает! Подевалась куда-то. Как сквозь землю провалилась!

Белов, которому при рукопожатии в голову пришла жуткая картинка, не стал пока ничего говорить. Это всегда успеется. Но, как он понял, ведьма, а по совместительству подруга Марка, приняла страшную смерть. Белов не был белым и пушистым, не был добрым, но такого даже врагу не пожелаешь. Да уж. Быть заживо сожранной себе подобным.

Они сработались. Гриша переехал в новый дом в Позднем, а деревню надёжно защитил магическим барьером по периметру. И всё бы было прекрасно, если бы вдруг не спелись эти двое. Надя и Белов. Ох, не нравилось это Марку. Ох, как не нравилось! Он поднял глаза на Надю и сказал:

– Ты не выжила. Просто не сгорела. Как нежить может выжить? Это фигня какая-то.

– Не фигня, а оксюморон. – фыркнула Надя.

– Чо? – спросил Марк.

Она подумала, что может уничтожить его, особо даже не напрягаясь. Просто сожрать, например. Или оторвать голову одним движением. Нашёлся тоже тут, пуп земли. Не нравится ему, что она с Гришей дружит. Ну, не дружит, а… в общем, неважно, что она с Гришей.

– Марк, хватит угрожать мне, и лезть в мою жизнь. Не забывай, кто помог тебе всё тут начать сначала. Хочешь, я буду и дальше твоим союзником. Это в твоих интересах.

– А… – начал было Марк.

– А вот если ты попробуешь опять меня где-нибудь запереть, – перебила его Надя, – я гарантирую, что в тот же момент сожру тебя со всеми потрохами. Так и знай!

– Ты не можешь! Только два дня в году. – самоуверенно заявил Марк.

– Да что ты говоришь? А куда, ты думаешь, делась твоя самодовольная ведьма? А? – Гриша по секрету рассказал Наде о своем видении.

Марк опешил. Посмотрел на Надю с недоверием:

– Ты съела Соню?!

– Я не могла съесть Соню. Я была в подземелье. Её схомячила твоя жена, Тамара. – она оценила его офонаревший вид, и добавила. – Вот теперь и живи с этим!

После чего быстро надела свои красивые ботинки – Гриша подарил – и зацокала каблучками по коридору, по ступенькам крыльца, и дальше, прочь от дома.

Вернувшись домой, Андрей обнаружил, что Соболева дома нет. Первой мыслью, залетевшей в черепную коробку, была мысль о том, что Костя рванул в Позднее. Не выдержал. Выпрыгнул в окно со второго этажа, переломал все ноги, и ползком пополз в проклятую деревню, чтобы увидеть свою зазнобу, Надьку. Морозов сунулся было на балкон, но тот оказался заперт изнутри. Все остальные окна в квартире тоже были закрыты. Тут же в голову услужливо вплыла картинка двора перед домом: девятка Соболева стояла на своем месте. Точно! Пока Морозов недоумевал, куда исчез его гость; пока ещё раз проверял всю квартиру – даже заглянул в шкафы и под диваны; пока наконец-то сообразил, что нужно просто позвонить Косте по мобильнику; пока искал в карманах телефон, а после – контакт в списке, входная дверь открылась с помощью ключа, и в коридоре нарисовался Соболев с пакетом. В пакете позвякивали бутылки. Андрей отменил звонок и с бешенством воззрился на друга:

– Я же тебя запер!

– Ну, да. – согласился Костя. – А ещё ты оставил вторые ключи в тумбочке в коридоре. В верхнем ящике.

– И чего ты туда полез?

– А чего бы мне туда и не полезть? Скучно ведь. Да ещё с женой созвонился…

Костя обреченно махнул рукой, скинул ботинки, и отправился прямиков в кухню, позвякивая бутылками в пакете. Морозов пошёл за ним. Посмотреть, что там у Соболева гремит среди бела дня.

Гремело много чего. Джек Дэниелс, аж две бутылки по ноль семь. И пиво, нефильтрованное. Светлое. Всё это Костя выставил на стол, и только потом пошёл обратно в коридор, снимать куртку.

– Соболев, а что у тебя за праздник? – поинтересовался Андрей.

– Это не праздник. Это анестезия.

Костя рассказал, что позвонил жене, и она говорила с ним, как чужой человек. Сдержанно и по-деловому. Нет, Таня была на работе, это всё понятно, но если бы захотела – вышла бы из офиса, и поговорила бы с ним нормально. Вот только Таня не захотела. Ей было проще отделаться от Соболева общими фразами, параллельно показывая интонацией смесь обиды с безразличием. Но самое скверное было не в том, как жена отреагировала на его звонок. Плохо было то, что Соболев совершенно ничего не почувствовал. Ни досады, ни разочарования. Ни желания оправдываться и что-то объяснять. «Привет – привет. Как дела – всё в порядке – ну и отлично. Пока». Ничего не скажешь, очень задушевный разговор с любимой женой.

После этого звонка Соболев хотел перезвонить, попросить Таню уединиться, и поговорить обо всём нормально. Хотел – читай, считал это правильным. Но дело в том, что желания объясниться с женой как таковое, искреннее и настоящее, отсутствовало. Плевать ему почему-то было на Таню, на свою семейную жизнь, а заодно на работу и на Москву. Соболев несколько раз про себя самообозвался козлом, но стыдно почему-то не было. Поэтому, он решил купить выпить. Чтобы устранить разногласия между умом и сердцем.

– Потому, что твоё сердце заколдовано. – перебил Морозов. – И я нашёл тебе доктора. Ехать нужно сейчас! Она ждёт.

– Кто – она?

– Ведьма! Она снимет с тебя приворот.

– Андрей… приворот может снять только тот, кто его сделал. Я тебе уже это говорил. А она только деньги с нас возьмет, ведьма твоя. Зачем ты вообще поехал к ведьме?

– Соболев, ты что? Мы же говорили об этом.

– Мы говорили о ведьме до того, что со мной случилось. Когда не могли проникнуть за барьер. А сейчас планы изменились. Я могу бывать в Позднем! Если меня, как ты выразился, вылечить, связь с Надей прервётся. А это шаг назад.

Морозов потерял дар речи. Стоял как дурак посреди кухни и смотрел на Костю. А тот достал стаканы, разлил виски, и предложил Андрею:

– Выпьем?

– Мне ещё статью сдавать. – возмущённо ответил тот, и вышел из кухни.

Костя остался один на один с Джеком. Он залез в холодильник и смастерил себе бутерброды из чего Бог послал. Выпил, закусил, подумал. Чего это все на него обижаются? Таня обижена. Будто он, Соболев, собственность её. Будто кто-то может запретить ему ехать и идти туда, куда он хочет. Брак – это же не рабство, правильно? Тем более, он у них с Таней давно расторгнут.

Теперь вот Морозов надулся на него. Морозов решил, что Костю надо лечить. Снимать магией с него приворот. Почему-то его, Соболева, никто не спросил, чего хочет лично он. А он хотел Надю. И сейчас, пусть это даже было под действием приворота, Костя не чувствовал никакого омерзения по поводу того, что Надя была неживой. Однако, Соболев не забывал о том, зачем приехал сюда из Москвы. Недоделанное дело. Выжившие зомби. Заново построенная деревня, потому что главный организатор улизнул и спрятался. Но, если Надя говорит, что ей можно помочь стать снова живой, что же в этом плохого? Если такое чудо возможно, – магия, она говорит, плюс наука, – Костя должен ей помочь. И потом уже можно будет думать о том, как наконец-то покончить с этим гиблым местом. А Надю он просто заберёт с собой.

Соболев налил себе ещё Джека, но выпить не успел. У него зазвонил телефон. Он поставил стакан и достал мобильный:

– Слушаю.

– Константин?

– Да, я. А кто это?

– Соболев Константин? – уточнил собеседник.

– Да-да, это я! Что вы хотите? – Костя начал раздражаться.

Мало того, что помешали выпить, так ещё и разговор какой-то странный.

– Ну, наконец-то! – воскликнул мужчина на том конце связи. – Вы не оставили свой номер телефона, и я замучился собирать его из разрозненных цифр. Цифры я увидеть могу, но вот беда, не по порядку, а вразброс. Это Белов вас беспокоит.

– Кто? – не понял Костя.

– Григорий Белов. Тот самый. Надя должна была вам сказать.

И тут Соболев сообразил, что ему звонит не кто иной, как тот самый маг, поставивший защиту вокруг деревни. И привороживший Костю к Наде на крови.

– Опа. Не ожидал. И чего вы хотите, Григорий Белов?

Костя выглянул из кухни, прислушался. Из закрытой комнаты Андрея не доносилось ни звука. Соболев вернулся в кухню и, на всякий случай, закрыл кухонную дверь тоже.

– Может встретимся? Я в Запрудном сейчас. – предложил Белов.

– Знаете, я вас немного опасаюсь. Вы, колдуны, чуть что магией долбите. По башке.

– Чуть… что? – удивленно спросил Григорий.

– Когда с вами кто-то не согласен.

– Помилуйте, Константин, я вас не на дебаты зову. Мне нужно кое-что с вами обсудить по делу. Надя, наверное, говорила?

Надя-то говорила. И Соболеву это всё казалось очень заманчивым. А всё равно страшно было встречаться с ведьмаком, который обладает огромной силой. Но… не встретишься, так ничего и не узнаешь.

– Ладно. А где?

– А вы на машине? Подъезжайте тогда…

– Нет. Я уже выпил. Я без руля.

– Выпили? В два часа дня? – удивился Белов. – Ладно. Просто приходите в чебуречную на площади у вокзала.

Соболев убрал все свои бутылки в холодильник и заглянул к Морозову в комнату:

– Мне надо по делам ненадолго отлучиться. Я возьму вторые ключи?

Андрей перестал печатать и молчал, Костя уточнил:

– Которые в тумбочке нашёл.

– Да делай ты что хочешь! – вспылил Морозов. – Можешь хоть в Позднее переехать с вещами – скатертью дорога.

Соболев крякнул и сказал:

– Спасибо. Я подумаю.

После чего вышел из квартиры, а Андрей написал сообщение ведьме Аглае: «Мой друг не хочет ехать снимать отворот. Простите, что побеспокоили». Он отложил телефон, и собрался продолжить статью, но сотовый зазвонил. Морозов чертыхнулся и посмотрел на экран. Звонила Глаша.

– Да. – ответил он.

– Андрей, послушай… твой друг и не захочет исцеляться. Поверь, ему очень нравится это заболевание. Приворот создаёт иллюзию любви. Люди по своей сути существа одинокие, всю жизнь они тратят и кладут на то, чтобы почувствовать обратное. Кто по доброй воле откажется от любви?

– И что? Мне его надо связать, и привезти?

– Глянь, в левом кармане куртки подарочек тебе. Я подумала, что может пригодиться.

– Ладно, гляну. – покорился Морозов.

– Да ты сейчас погляди-то! А я тебе скажу после, что нужно делать.

– Хорошо. – со вздохом сказал Андрей.

Он прошёл в коридор и залез в левый карман. Телефон и бумажник Морозов обычно носил во внутреннем кармане, ключи от машины и квартиры – в правом. Левый, как правило, оставался пустым и без дела. Ведьма знала, куда положить свой подарочек, чтобы Андрей его случайно не потерял и не вытряхнул.

Морозов достал небольшой целлофановый пакетик, который зашуршал в руке. Не только целлофаном зашуршал, содержимым тоже. Внутри лежала трава.

– Так. – сказал он в трубку. – И чего мне с этим делать?

– Надень маску и разотри траву в пыль. Заверни порошок в бумагу, так будет удобнее. Не вдыхай его, главное. Когда придёт твой товарищ, сдуй ему пыль этой травки прямо в лицо, и он поедет с тобой туда, куда скажешь.

– А… – задумался Андрей. – А откуда ты вообще знаешь, что он ушёл? Я не говорил.

– Ну… я чувствую сейчас, что ты в квартире своей один. Вижу так. Картинки приходят. Ты понял, что нельзя вдыхать этот состав? Он лишает воли. Напрочь. На время, само собой.

– И что? Я просто скажу ему: поехали, и он мне подчинится?

– Андрюша… – ласково сказала Аглая Васильевна, и Морозов вздрогнул. – Если человеку под действием этой травки сказать воткнуть себе нож в горло, он сделает это незамедлительно.

Они попрощались, и Морозов, замотав половину лица шарфом, натолок травы. Насыпал пыль в бумагу, завернул, и убрал в карман. Попробовал вернуться к статье, но мысли убегали в другом направлении. Андрей всё думал, насколько могущественна и опасна магия. Если просто какими-то травами можно человека начисто лишить воли. Ужас просто. Ужасный ужас, ничего другого на ум не приходит. Он пощупал свёрток с магической пылью в кармане, строго сказал себе: «Работай, Морозов!», и вернулся к тексту, гоня от себя лишние думы.

Соболев вошёл в чебуречную и сразу понял, кто из посетителей Григорий Белов. Он был высок, статен, бородат, усат, и ни одного седого волоса ни в густой шевелюре, ни на лице. Костя даже залюбовался ведьмаком. Подумал, что если бы Белову надеть богатырские доспехи и дать коня, то с него можно писать картины про богатырей. Сколько ему лет, интересно? Учитывая то, что колдуны постоянно ищут эликсир бессмертия, ему может быть и тридцать, и восемьдесят. Но хорош! Хорош. И глаза не страшные. Спокойные ясные глаза – никакого намёка на злую силу, как было у Сони. Соболев и спустя год помнил взгляд Сони, полный презрительной ненависти.

– Здравствуйте. – Костя подошёл и протянул Белову руку.

Григорий ответил на приветствие, и предложил присесть.

– Почему вы выбрали такое странное место? – поинтересовался Соболев. – Тут в поселке есть вполне цивильный ресторан.

– А мне тут чебуреки нравятся. – улыбнулся Белов. – Я за ними даже из Быкова ездил. А тут вообще рядышком.

– А вы на чём? – спросил Соболев.

– Меня Марк подвёз. Обратно такси возьму. Телепортироваться не умею. – усмехнулся колдун.

– Нет? – спросил Костя, разглядывая ведьмака.

– Ну… на небольшие расстояния только. Так далеко – нет. Слушай, давай на «ты»?

Костя согласился.

– В общем, я так понимаю, у нас с тобой общий друг. Подруга. Надя. И она согласилась стать подопытной в моём эксперименте. Я хочу вернуть ей душу. Оживить по-настоящему. Всё-таки, согласись, эта их жизнь… это не жизнь!

Соболев и тут согласился. Он внимательно слушал, хотел понять, чем конкретно может в этом деле Белову помочь наука. Пока ничего не мог представить. А Григорий тем временем продолжал:

– Но тут есть одна проблема. Её тело. Оно неживое. Оно отторгнет душу. Магия не может оживить тело. Но наука может помочь.

– Как? Чем? – поразился Костя.

– Ты мог бы клонировать её. Надю. Взять клетку, добыть ядро…

– Стоп-стоп! Пока ты не зашёл слишком далеко в своих дилетантских рассуждениях, я должен тебе сказать кое-что.

– Слушаю.

– Во-первых, я никогда не занимался клонированием. Да, я изучал генетику, она тесно связана с тератологией. Но… клонирование – нет. Нет! А во-вторых, я видел их кровь. Видел под микроскопом. В этих существах нет живых клеток! У них не кровь, а смола какая-то, притом исчезающая на глазах смола!

– Если бы ты меня дослушал… – Белов потер усы и сказал. – Сделать ткань или кровь временно живой я могу с помощью магии. А нам-то и надо временно, так ведь? Я вдыхаю жизнь в материал, ты добываешь из него то, что нужно для клонирования, и запускаешь цикл новой жизни.

Соболев здорово разочаровался в этом разговоре. Потерял интерес к тому, что говорил колдун. Во-первых, он думал речь пойдёт об оживлении непосредственно Нади. Той девушки, к которой он сейчас испытывал чувства. А создавать новую Надю, её клон, да ещё таким замысловатым способом… это фигня, простите, какая-то. Но говорить всё это Белову в лоб Костя не спешил. Он сделал вид, что думает. Потом сказал, что ему нужно время на размышление. И на понимание, что вообще потребуется для процесса. Сидел, в общем, и вешал лапшу Григорию на уши. А тот кивал с умным видом. Соболев уже начал подумывать, как ему ретироваться из чебуречной, как вдруг Белов сказал:

– Ты, главное, имей в виду. Я произвожу впечатление доброго человека, но это не так.

Костя чуть не подавился собственной слюной.

– А чего ты мне угрожаешь? Я правду тебе говорю. Подумаю, и приду. К вам, в деревню. Договорились?

– Только Марку на глаза не попадайся. У него на тебя обида ещё с прошлого года.

Соболев покивал, пожал руку Белову и вышел из чебуречной, вздохнув с облегчением. Что там Морозов говорил? Надо ехать к ведьме, приворот снимать? Надо, значит надо. Ну их в баню с этим Поздним. Они там спятили все, по ходу. Клонирование! Эк куда хватили. Лучше поискать другой способ проникнуть в деревню, сотрудничество с сумасшедшим колдуном не вариант. Вот только жаль терять это давно забытое, вновь вспыхнувшее чувство к девушке с зелёными глазами и тёмными гладкими волосами…

Соболев вошёл со своими ключами в квартиру Морозова, и получил порцию травяной пыли прямо в лицо. Он приготовился долго и громко чихать, избавляясь от пылинок в носу, но вместо этого замер, как солдатик. По стойке смирно.

– Морозов, ты чего со мной такое сделал? – равнодушно поинтересовался Костя.

Андрей, размотал шарф, которым была закрыта вся нижняя часть его лица, и проворчал, всовывая ноги в ботинки:

– Сейчас я оденусь, и поедем снимать с тебя приворот. – он разогнулся и снял куртку с вешалки. – Понял, что я говорю? К ведьме поедем.

– Да я и так собирался, идиот ты несчастный! Только теперь у меня совершенно дурацкое состояние. – Соболев зевнул. – Собирайся в темпе, я боюсь, что сейчас усну. Прямо стоя, прямо тут.

Андрей сел за руль своей машины, а Костя устроился на пассажирском и дремал всю дорогу. Уже подъехав к особняку ведьмы на окраине около леса, Морозов сообразил, что не предупредил её о визите. Аглая, конечно, говорила: «Привози», но ведь уже и время прошло. Пока то, пока сё. Морозов, косясь на спящего Соболева, достал было телефон, но внезапно открылась калитка в заборе. Выглянула Лиза, махнула рукой, и исчезла. Калитку оставила приоткрытой. Ничего себе! Аглая, стало быть, почувствовала их, что ли?

Морозов растолкал своего пассажира и сказал строгим голосом:

– Я тебя не потащу, имей в виду! Иди сам.

– Хорошо. – покорно ответил Костя.

Они вошли во двор, и калитка за ними захлопнулась. Сама. Морозов с Соболевым синхронно вздрогнули.

– Чёрт… куда ты меня привёл? Как в фильмах ужасов. – понизив голос, сказал Костя. – Веди давай. А то сказал идти, а куда – непонятно. А я должен идти. Когда эта ерунда закончит действовать?

– Я не знаю. Она не говорила. Чего ты не знаешь? Вот же дом!

– Ничего себе, дом! Это какие-то палаты княжеские.

Лизы нигде не было видно. Она открыла калитку и ушла. Жаль. Хоть и получил Андрей от её бабушки, Аглаи Васильевны, предупреждение, а всё равно ничего не мог с собой поделать. Девушка очень понравилась ему. Но, видимо ведьма предупредила не только его, Лизу тоже. Или… он ей не понравился. Морозов совсем расстроился, чуть было не забыл, зачем они вообще приехали.

– Куда? – пихнул его Соболев локтем.

Косте было велено идти, вот ему и не терпелось идти. Андрей решил не думать о прекрасной внучке могущественной ведьмы. Он сфокусировался на цели визита, подтолкнул Костю к двери, ведущей в кабинет Аглаи.

Морозов постучал и заглянул в щель:

– Можно?

– Входите-входите!

Он пропихнул Соболева вперёд, и вошёл, прикрываясь им, как щитом. Если бы Косте не требовалась помощь, никто в целом свете не заставил бы Андрея вернуться сюда.

– Вот. Привёл. Лечи. – сказал Морозов, и добавил. – Пожалуйста.

– А когда кончится действие этой фигни, которой мне вот этот товарищ в морду дунул, а?

Соболев смотрел во все глаза на женщину, сидящую за столом. Молодая какая. Интересно, сколько ей лет? Просто глядя на такую молодую женщину, трудно было доверять ей. Что она вообще может? Хотя… Морозов же не нашёл бы кого попало. Журналист, как-никак.

– Давайте всё по порядку! – Аглая встала и слегка хлопнула ладонями по столу. – Берите стул, садитесь.

Она смотрела на Костю, было понятно, что обращается ведьма к нему. А он, не отрываясь, смотрел на руки Аглаи. Руки были тоже красивыми и молодыми, но ногти… длинные, покрытые красным лаком. Не красным даже, а бордовым. Цветом засохшей крови. Как будто Аглая окунула пальцы в кровь и таким образом нанесла этот, до отвратительного, живой цвет, на свои ногти. Соболева почему-то замутило.

– Ты чего встал-то? – спросил Андрей. – Садись, говорят.

Костя покорился. На него всё ещё действовал дурман, сопротивляться он не мог. Он взял стул, поставил на середину помещения, и сел на него. Ведьма попросила Андрея выйти в холл, но тот не согласился ни в какую. Сел в уголке и пообещал не мешать.

– Смотри, ты обещал! – строго сказала Глаша.

Она достала из шкафа банку с мутноватой водицей и маленький пузырёк из тёмного стекла. Капнула густой жидкости из пузырька в воду, потом взяла нож и подошла с банкой к Соболеву.

– Потерпи. – сказала ведьма.

Соболев даже не поморщился, когда острое лезвие рассекло ему кожу на ладони. Видимо, эта травяная пыль работала так, что даже подобные приказы исполнялись буквально. Беспрекословно. Потерпи, так уж потерпи. Не морщись, не издавай ни звука.

Аглая что-то нашептала на жидкость в банке, потом поставила её на стол, и по очереди окунула туда пальцы сначала левой, а потом правой руки. После чего повторила Соболеву:

– Потерпи.

Она встала позади стула, на котором сидел Костя, и синхронно прикоснулась пальцами к его вискам. Глаза ведьмы были закрыты, лицо сосредоточено. Соболев сидел, не шевелясь около минуты, а потом изогнулся дугой. Закусил губу, лицо его побледнело. Морозов понял, что Косте больно. Больно настолько, что Глашино «потерпи» уже не работает. Невыносимо, видимо. Андрей помнил, что обещал не мешать, но что она, чёрт побери, делает с его другом?! Морозов приподнялся со стула, Аглая открыла глаза и посмотрела на него предупреждающе. Если бы взглядом можно было убивать, Андрея бы в ту же секунду не стало, он в этом не сомневался ни секунды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.